

ХЭМПТОН САЙДЗ

ЦАРСТВО ЛЬДА

ПОБЕДИТЕЛЬ
ПРЕМИИ «ЛУЧШАЯ
КНИГА ГОДА
USA TODAY»

«Первоклассная. Вызывающая. Удивительная история
об ужасах путешествия первой экспедиции в попытках
достичь Северного полюса».

THE NEW YORK TIMES

GREAT&TRUE. Великие истории, которые потрясли мир

ХЭМПТОН Сайдз

Царство льда

«ЭКСМО»

2014

УДК 910.1(98)

ББК 26.8г

Сайдз Х.

Царство льда / Х. Сайдз — «Эксмо», 2014 — (GREAT&TRUE.
Великие истории, которые потрясли мир)

ISBN 978-5-04-088638-8

Ужасное кораблекрушение, снежная слепота, белые медведи, свирепые штормы и лабиринты льда. Экипаж сражался с безумием и голодом. Они отчаянно пытались выжить... За несколько лет команда капитана Джорджа Делонга проплыла вглубь арктических вод, чтобы стать первыми людьми, покорившими Северный полюс. 32 человека, которые вышли за пределы своих возможностей. История, покорившая миллионы сердец, о настоящем героизме, решимости и силе духа в самом жестоком месте на земле.

УДК 910.1(98)

ББК 26.8г

ISBN 978-5-04-088638-8

© Сайдз Х., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Экипаж «Жаннетты»	7
Пролог	8
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	33
Часть II	40
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Хэмптон Сайдз

Царство льда

Серия «GREAT&TRUE. Великие истории, которые потрясли мир»

© 2014 by Hampton Sides

© Мамедьяров З., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Моему брату
Линку Сайдзу
1957–2013*

В царстве льда, вдалеке от людей,
слышен жалобный стон корабля,
Он встречает все волны холодных морей
и пытается вырваться зря.
Льды, растрескавшись, резко расходятся прочь
и колотят его по бортам.
И матросы встают на колени, и ночь
их о доме внимает мольбам.
Злые льды все плотнее сжимают в тисках
без пощады добычу свою.

Капитан не сдается, отринув свой страх,
и командует в тяжком бою.
И матросы отважно веревки берут,
но не выйти с ледовых полей.
И на мачтах холодные ветры поют
плач по лучшему из кораблей.
Храбро бились они, но теперь день угас,
и корабль похоронен во льдах.
И полярный огонь, лишь пробьет его час,
все раскрасит в пурпурных тонах.

– *Йоахим Рингельнатиц «Гибель «Жаннетты»*

Немногие достаиваются такой чести... Сначала нужно пройти через страдания – и страдания ужасные, сначала нужно познать отчаяние жизни. Тогда глаза ваши откроются.

– *Генри Джеймс, 1881 год*

Экипаж «Жаннетты»

Офицеры ВМС

Лейтенант Джордж Делонг, командир корабля
Лейтенант Чарльз Чипп, старший помощник
Мастер Джон Даненхауэр, штурман
Джордж Мелвилл, судовой механик
Доктор Джеймс Эмблер, судовой врач

Гражданские ученые

Джером Коллинз, метеоролог, корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд»
Рэймонд Ньюкомб, натуралист

Особые служащие

Уильям Данбар, ледовый лоцман
Джон Коул, боцман
Уолтер Ли, машинист
Джеймс Бартлет, пожарный первого класса
Джордж Бойд, пожарный второго класса
Альфред Суитман, плотник

Матросы

Уильям Найндеман, Герберт Лич, Карл Гёртц, Эдвард Старр, Хайнрих Каак, Фрэнк Мансен, Адольф Дресслер, Уолтер Шарвелл, Луи Норос, Генри Уилсон, Питер Джонсон, Генри Уоррен, Альберт Кюне, Ханс Эрихсен, Нельс Айверсон, Джордж Лаутербах

Кок и стюард

А Сэм, Чарльз Тонг-Синг

Эскимосские охотники и погонщики собак

Алексей, Анегин

Пролог

Крещение льдом

Туманным утром в один из последних апрельских дней 1873 года паровая баркентина «Тигрица», вышедшая из залива Консепшн на юге Ньюфаундленда, сквозь дрейфующие льдины пробивалась вдоль берегов Лабрадора, направляясь в район сезонной охоты на тюленей. Время уже близилось к обеду, когда с «Тигрицы» заметили кое-что странное: одинокий эскимос на каяке махал руками и кричал что есть мочи. Несчастный явно был в беде. Он заплыл гораздо дальше в опасные воды Северной Атлантики, чем обычно заплывали эскимосы. Когда «Тигрица» подошла ближе, он с сильным акцентом прокричал: «Американский пароход! Американский пароход!»

Команда «Тигрицы» сгрудилась у борта и попыталась понять, о чем говорит эскимос. Туман тем временем рассеялся, и в некотором отдалении показалась крупная льдина, на которой было зажато более дюжины мужчин и женщин, а также несколько детей. Заметив корабль, они возликовали и принялись палить из ружей.

Капитан «Тигрицы» Айзек Бартлет приказал спустить на воду спасательные шлюпки. Когда несчастных – всего их было 19 человек – подняли на борт, сразу стало ясно, что они пережили суровое испытание. Истощенные, грязные, обмороженные, они загнанно озирались по сторонам. Их губы блестели от жира тюлених внутренностей, которые они только что съели на завтрак.

«Сколько вы провели на этой льдине?» – спросил их капитан Бартлет.

Старший группы, американец Джордж Тайсон, выступил вперед.

«С 15 октября», – ответил он.

Бартлет попытался осознать его слова. С 15 октября прошло 196 дней. Эти люди, кем бы они ни были, провели на льдине почти семь месяцев. Как выразился Тайсон, эта льдина стала для них «плотом, который сотворил сам Бог».

Расспросив Тайсона, Бартлет, к своему удивлению, узнал, что эти бедняги были на борту знаменитого на весь мир «Поляриса» – именно об этом «американском пароходе» и кричал эскимос. Невзрачный буксирный пароход «Полярис», укрепленный для плаваний во льдах, был судном американской полярной экспедиции, частично финансируемой конгрессом и поддерживаемой ВМС США. Двумя годами ранее он вышел из Нью-Лондона в Коннектикуте, сделал несколько остановок по пути в Гренландию, а затем пропал. О команде ничего не было слышно.

Когда «Полярис» пересек рекордную в то время 82-ю параллель, его затерло во льдах у западного побережья Гренландии. В ноябре 1871 года командир экспедиции – угрюмый эцентричный мечтатель из Цинциннати по имени Чарльз Фрэнсис Холл – умер при таинственных обстоятельствах, выпив чашку кофе, в которую, как он успел предположить, подмешали яд. После смерти Холла, оставшись без лидера, экспедиция развалилась.

В ночь на 15 октября 1872 года крупная льдина, на которой разбились временный лагерь Тайсон и 18 других членов экспедиции, неожиданно отошла от корабля и начала дрейфовать по морю Баффина. Группа несчастных, в которую входили несколько эскимосских семей и новорожденный младенец, так и не смогла вернуться к «Полярису» и осталась на льдине. Они плыли на юг всю зиму и весну, ночевали в иглу и питались тюленьими, нарвалами, морскими птицами и белыми медведями. Не имея возможности готовить мясо, они съедали его сырым вместе с внутренностями и кровью, если им вообще удавалось поесть.

Тайсон назвал свою группу «баловнями судьбы». Зажатые на тающей льдине, они болтались по морю, «подобно пробке», то и дело натываясь на айсберги и попадая в шторм. Как ни странно, никто из них не погиб. Всего они проплыли на льдине 1800 миль.

Пораженный историей Тайсона, капитан Бартлет принял всех несчастных на борту своего корабля, накормил их обедом из трески, картошки и кофе и вскоре доставил в Сент-Джонс на Ньюфаундленде. Там их встретил корабль ВМС США, на котором они отплыли в Вашингтон. В ходе торопливых расспросов Тайсона и других спасенных выяснилось, что «Полярис» поврежден, но, вероятно, до сих пор на плаву, а оставшиеся члены экспедиции – всего 14 человек – вполне могут до сих пор томиться на давшем течь корабле где-то в гренландских льдах. Перекрестный допрос выживших офицерами ВМС выявил, что на «Полярисе» с самого начала наблюдался кризис лидерства, что поднимались разговоры о бунте и что Чарльз Холл действительно мог быть отравлен. Около ста лет спустя судебно-медицинские эксперты эксгумировали его труп и обнаружили повышенное содержание мышьяка в образцах тканей. Однако Тайсон отказался назвать какие бы то ни было имена и возмутился этим вопросом. «Испортившие эту экспедицию, – прорычал он, – не уйдут от божьей кары!»

Американская общественность, потрясенная столь печальной историей неудачного плавания, которое долгое время было у всех на устах, стала требовать снаряжения спасательной экспедиции с целью разыскать выживших. Получив одобрение президента Улисса Гранта, ВМС быстро выделили для этих целей судно «Джуниата», которое должно было отправиться к берегам Гренландии и найти затертый во льдах «Полярис».

Находящаяся под командованием Дэниэла Брейна «Джуниата» представляла собой закаленный в боях малый корвет, который принимал активное участие в атлантической блокаде в годы Гражданской войны. Судно вышло из Нью-Йорка 23 июня, о чем написали все газеты Америки. В миссии «Джуниаты» были все составляющие успешной истории: рассказ о чудесном спасении и интригующий детективный сюжет, в котором, возможно, не обошлось и без убийства. В Сент-Джонсе на борт «Джуниаты» должен был взойти корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», который собирался вести хронику поисков. Во многом именно благодаря освещению событий в «Нью-Йорк геральд» поиски «Поляриса» в конце лета 1873 года стали настоящей сенсацией.

Старшим помощником капитана «Джуниаты» был молодой лейтенант из Нью-Йорка Джордж Делонг. 28 лет, с живыми серо-зелеными глазами, блестящими за стеклами пенсне, Делонг ко всему подходил с энтузиазмом. Он был высок и широкоплеч и весил около девяноста килограммов. Выпускник Военно-морской академии США, рыжеволосый и светлокожий, он носил кустистые усы, которые закрывали уголки его рта. Когда у него выдавалась свободная минутка, он курил пенковую трубку, с головой погружившись в книгу. Тепло его улыбки и мягкость черт несколько противоречили резким линиям его подбородка, на что указывали многие его современники. Делонг был решительным, прямолинейным человеком, весьма трудолюбивым и рассудительным при этом. Ему были не чужды амбиции. Одной из его присказок – можно даже сказать, его девизом – была простая фраза «Не откладывай на завтра».

Делонг избороздил добрую половину земного шара – бывал в Европе, в Карибском бассейне, в Южной Америке и по всему восточному побережью США, но в Арктику прежде не плавал, а потому не слишком жаждал этой экспедиции. Ему гораздо привычнее были тропики. Его не манил к себе Северный полюс, который будоражил умы исследователей вроде Холла и очаровывал публику. Для Делонга плавание «Джуниаты» в Гренландию было просто очередным заданием.

Он не думал и о Сент-Джонсе, где «Джуниата» причалила, чтобы запастись провизией и позволить корабельщикам укрепить ее нос железом для скорого столкновения со льдами. Когда «Джуниата» вошла в полузамерзшую гавань Суккертоппена, Делонг написал жене: «Никогда в жизни я не видел такой тоскливой и неприветливой земли. Надеюсь, мне не суждено потерпеть кораблекрушение в таком забытом Богом месте... Так называемый «городок» состоит из двух домиков и дюжины мазанок. Я вошел в одну из них и до сих пор не могу перестать чесаться».

Делонг был очарован своей женой Эммой, наполовину француженкой, наполовину американкой из Гавра. Ему претило находиться так далеко от нее. Они с Эммой были женаты более двух лет, но почти не виделись, поскольку Делонг по долгу службы большую часть времени проводил в море. Их маленькая дочка Сильвия была ему все равно что чужая. Делонги жили в маленькой квартирке на 22-й улице на Манхэттене, но он там не появлялся. Эмма говорила, что ее муж «обречен всегда быть в разлуке с любимыми». Он ничего не мог поделать с долгими командировками – такова была жизнь кадрового флотского офицера.

Впрочем, порой Делонг мечтал о том, чтобы взять отпуск и вместе с Эммой и Сильвией поселиться где-нибудь на американском западе или в деревушке на юге Франции. Будучи в Гренландии, он писал Эмме об этих мечтах. «Не могу не думать, насколько счастливее мы были бы вместе, – писал он. – Когда мы порознь, я предаюсь мечтам... Как здорово было бы отправиться в какой-нибудь тихий европейский уголок и год прожить там вдали от приказов Военно-морского министерства и других забот. Дорогая, вернувшись из этого плавания, я, быть может, смогу взять годичный отпуск и провести его вместе с тобой там, где мы сможем снять недорогой домик. Думаешь, получится?»

Вскоре Делонг перестал с таким презрением относиться к полярному ландшафту. Когда «Джуниата» пересекла Северный полярный круг и двинулась дальше вдоль берега самого большого острова в мире, его отношение к окружающим пейзажам существенно изменилось. Его все больше очаровывала одинокая величественность Арктики, ее миражи и странные фокусы света, ее лунные гало и кроваво-красные сияния вокруг солнца, ее таинственная, туманная атмосфера, которая изменяла и усиливала звуки, словно бы каждый здесь жил под огромным куполом. Делонгу казалось, что он дышит разреженным воздухом. Его заинтересовал феномен «ледового неба» – спектрального свечения на горизонте, по которому можно было определить приближение большого скопления льда. Пейзажи стали интереснее: обледенелые фьорды, возвышающиеся айсберги, совсем недавно отколовшиеся от ледников, шорох разбивающихся о льдины волн, выглядывающие из трещин тюлени и гренландские киты, скользящие в глубоких серых водах. Делонг влюбился в эту нетронутую человеком природу, подобной которой он в жизни не видел.

К концу июля, когда «Джуниата» достигла острова Диско – продуваемой всеми ветрами земли бурлящих горячих источников и скандинавских сказаний, расположенной у берегов Гренландии, крещение Делонга льдом было почти окончено. С ног до головы одетый в меха, в сапогах из тюленьей кожи, он полностью вошел в ритм. «Мы взяли на борт двенадцать собак, которые потащат упряжки, – писал он, – видели бы нас сейчас! Корабль почернел от грязи и угольной пыли, среди угля размещены собаки, баранина подвязана высоко на носу, а по правому и левому борту висит говядина и рыба. Мы готовы отправиться куда угодно».

По мере продвижения на север Делонг все чаще задавался вопросом, что же случилось с Чарльзом Фрэнсисом Холлом и его экспедицией. Когда все пошло не так? Какие решения привели к провалу? Где теперь «Полярис» и выжил ли хоть кто-нибудь из команды? Будучи флотским офицером, он живо интересовался вопросами иерархии, дисциплины и мотивации – как организована экспедиция и как эта организация разлетается на части. Делонг получил возможность прикоснуться к тайне, которая была бесконечно любопытнее рутинных обязанностей морской жизни.

31 июля «Джуниата» достигла крошечной, затерянной во льдах деревушки Упернавик в четырехстах милях севернее полярного круга, и там сюжет этого северного детектива получил новый поворот. Делонг и капитан Брейн сошли на берег, чтобы встретиться с датским чиновником Краупом Смитом, королевским инспектором в Северной Гренландии. Инспектор Смит рассказал кое-что примечательное о Чарльзе Холле, который останавливался в Упернавике двумя годами ранее вместе со своей экспедицией, впоследствии пропавшей в Арктике.

Смит не знал, где теперь находится «Полярис» и выжил ли кто-нибудь из команды, но сообщил потрясающую деталь: по его словам, Холл предчувствовал свою смерть.

Прибыв в Упернавик, Холл намекнул, что в команде возникли разногласия и кое-кто хочет сместить его с поста капитана. Он чувствовал, что не вернется домой и погибнет в Арктике. Холл был так уверен в этом, что оставил инспектору Смиту на хранение внушительную связку ценных бумаг и других документов.

Репортер «Нью-Йорк геральд» Мартин Мэер заметил, что Смит «в мельчайших подробностях описал суть размолвки», в результате которой ряд членов экспедиции «попытался настроить команду корабля против» Холла.

Если верить Смиту, экспедиция Холла была обречена еще до того, как вошла в зону льдов. «Офицеры и команда «Поляриса» были полностью деморализованы, – сообщал Мэер, – а капитан Холл, очевидно, предчувствовал собственную смерть».

Капитан Брейн считал, что «Джуниату» не стоит вести севернее Упернавика. Несмотря на железную носовую броню, она была не приспособлена для плавания во льдах. Однако на корабле имелась лодка меньшего размера – «Малая Джуниата», – которая была более маневренной и могла проходить между айсбергами и льдинами. Оснащенное, как шлюп, это 28-футовое судно было снабжено небольшим паровым двигателем, который вращал трехлопастный винт. Брейн отдал полудюжине своих матросов приказ спустить на воду «Малую Джуниату» и вдоль изрезанного фьордами берега подняться еще на четыреста миль севернее, до мыса Йорк.

Этот второй этап поисков, на который Брейн отвел несколько недель, был довольно сомнительным предприятием. «Малая Джуниата» представляла собой ужасно уязвимое судно и была немногим лучше открытой лодки. Такие ледяные поля крушили целые китобойные флотилии, и Брейн понимал, что не может никому приказать взять на себя такой риск, поэтому ему пришлось рассчитывать на добровольцев.

Первым вызвался Делонг, которого вскоре решили назначить капитаном маленького судна. Его старшим помощником стал спокойный и надежный выпускник Военно-морской академии с севера штата Нью-Йорк Чарльз Уинанс Чипп. Набралось еще семь волонтеров, включая эскимосского переводчика, ледового лоцмана и Мартина Мэера из «Геральда». Брейн попрощался с ними и в письменных инструкциях Делонгу указал: «Я буду с нетерпением ждать вашего возвращения на этот корабль по завершении опасной миссии, на которую вы вызвались добровольцем».

Они отплыли от «Джуниаты» 2 августа, запасшись провизией на шестьдесят дней и таща за собой шлюпку с полутонной угля. Маленький паровой двигатель позвякивал, пока Делонг вел корабль среди окутанных туманом островов и тысяч небольших айсбергов, называемых малыми несяками. Они остановились в нескольких отдаленных эскимосских поселениях – Кингитоке, Тесси-Уссакке, – а затем отправились в пустоту, виляя меж массивных айсбергов, которые подавляли судно.

Мэер написал, что «никогда не видел ничего прекраснее... Смотря на бескрайние ледовые поля, блестящие в лучах солнца, и тысячи огромных, щербатых айсбергов, угрюмо дрейфующих по морю Баффина, понимаешь ужасное величие стихии и задумываешься, как же избежать печальной судьбы и не стать расщепленным на атомы».

В конце концов «Малую Джуниату» затерло в паковых льдах¹, и Делонгу пришлось неоднократно таранить лед, чтобы высвободить судно, дробя при этом обшивку из железного дерева, которой был усилен корпус. Стоял густой морозный туман, вся оснастка покрылась

¹ Паковый лед – морской лед толщиной не менее трех метров, просуществовавший более двух годовых циклов нарастания и таяния. В виде обширных ледяных полей наблюдается преимущественно в Арктическом бассейне. Более правильное название – многолетний лед.

ледяной коркой. «Заблокированные со всех сторон, мы оказались в опасном положении, и вдруг нам стало грозить разрушение, – писал Мэер. – В конце концов мы смогли пробиться в западном направлении и после двенадцати часов упорной борьбы со льдом снова оказались в открытом море».

Радости Делонга не было предела. Они с лейтенантом Чиппом наслаждались плаванием – и готовы были принимать его вызовы. «Наш корабль – настоящий красавец, он разве что говорить не умеет, – писал Делонг Эмме. – Не тревожься, если некоторое время от меня не будет вестей. Если нам придется провести во льдах всю зиму, следующую весточку я смогу послать только весной. Но не падай духом. Думаю, мы вернемся на корабль уже через пятнадцать дней».

В сорока милях южнее мыса Йорк Делонг пристал к большому айсбергу, чтобы пополнить запасы пресной воды, срубив несколько кусков льда. В нависающей части айсберга вдруг образовалась крупная трещина. Почувствовав опасность, Делонг снялся с якоря и отвел «Малую Джуниату» в сторону всего за несколько мгновений до того, как крупный осколок льда с плеском упал в море. Это, в свою очередь, заставило весь айсберг задрожать, а затем и перевернуться. Будь Делонг хоть немного ближе, «Малая Джуниата» разлетелась бы в щепки.

Пока Делонг не видел ни «Поляриса», ни следов выживших. Возможно, было безумием полагать, что кто-то вообще может выжить в этих туманных пустошах. Но по мере движения на север, к 75-й параллели, капитан столкнулся с еще большим таинством. Сложность Арктики предстала перед ним настоящей загадкой. Он никогда прежде не чувствовал себя таким живым, таким погруженным в момент. Он понимал, что становится пагофилом – так исследователи Арктики называли существ, которые счастливее всего ощущают себя на льду.

8 августа «Малая Джуниата» оказалась окутана густым туманом. Море разбушевалось, и через несколько часов маленькое судно попало в настоящий шторм, который качал его на ледяных волнах. «Каждый раз, когда мы ныряли вниз, – писал впоследствии Делонг, – на борт захлестывали волны, а сверху летели брызги, затопляя все вокруг. Мы вычерпывали воду, но все наши усилия были тщетны».

Шторм превратил ледяные поля в опасную стихию, откалывая новые куски айсбергов и затягивая их в пучину. «Малую Джуниату» в любой момент могло расколоть на части. «Я до сих пор с содроганием вспоминаю те минуты, – писал Делонг, – и могу лишь сказать, что нас спасло божественное провидение». Мартин Мэер писал в «Геральд»: «Яростные волны ударялись о ледяные горы и откалывали от них тяжелые, массивные глыбы, которые с оглушительным плеском падали в море. Казалось, наше судно обречено. Мы оказались в ужасной ловушке, где ледяные утесы снова и снова пускали в нас свои смертельные снаряды».

Шторм бушевал тридцать шесть часов. Каким-то чудом «Малой Джуниате» удалось устоять, а когда погода наладилась, Делонг хотел продолжить плавание к мысу Йорк, несмотря на простирающиеся перед ним опасные ледяные поля. «Я не собирался сдаваться без боя», – писал он. Но у него заканчивался уголь, а на команду страшно было смотреть – голодные, они замерзли и промокли до нитки. Двигатель залило водой, растопка пропиталась влагой. Один из матросов несколько часов сушил спичку, прижимая ее к телу, и в конце концов ему удалось зажечь свечу. Вскоре после этого ожил и захлебнувшийся паровой двигатель.

Еще один день Делонг пробивался сквозь лед, но продолжение плавания было настоящей авантюрой. Ему пришлось задуматься, «стоит ли рисковать жизнью этого небольшого отряда», и он написал, что на его плечи легла такая тяжелая ответственность, «почувствовать которую снова нет ни малейшего желания». Делонг посоветовался с лейтенантом Чиппом, которого уважал за спокойную рассудительность. 10 августа лейтенант Джордж Делонг сделал то, что делал крайне редко: он сдался. «О дальнейшем продолжении поисков команды «Поляриса» не могло быть и речи», – написал он. Они прошли более 400 миль и пересекли 75-ю параллель. До мыса Йорк оставалось всего 8 миль, но «Малая Джуниата» повернула назад.

Делонг не знал, что всех оставшихся выживших с «Поляриса» – всего 14 человек – в июне подобрало шотландское китобойное судно. Их доставили в шотландский Данди, а домой в Соединенные Штаты они вернулись только осенью.

Делонг повел «Малую Джуниату» сквозь бескрайние ледовые поля на юг. Когда уголь для парового двигателя закончился, ему пришлось импровизировать и сжигать в печи свинину.

В середине августа, преодолев суммарно более 800 миль, «Малая Джуниата» снова встретила со своей старшей подругой. Капитан Брейн уже отчаялся ждать возвращения маленького парохода – Делонга встречали как пропавшего героя. «Команда ликовала, – писал он. – Матросы высыпали на палубу и кричали от радости. Когда я поднялся на борт, почти невидимый в роскошных мехах, меня приняли так, словно я восстал из мертвых. Пожимая мне руку, капитан дрожал всем телом».

«Джуниата» вернулась в Сент-Джонс, а затем добралась до Нью-Йорка, в порт которого с помпой вошла в середине сентября. В доках Делонгу удалось ускользнуть от репортеров, чтобы скорее встретиться с женой и маленькой дочерью.

Однако Эмма сразу заметила, как изменился ее муж. В Гренландии Джорджу исполнилось 29, но дело было не в этом. В нем произошла фундаментальная перемена: что-то новое было в его взгляде и во всем поведении. Казалось, он подхватил лихорадку. Он уже говорил о возвращении в Арктику. Он с головой ушел в литературу об Арктике и арктические карты. Он вызвался отправиться в следующую экспедицию на великий север.

«Приключения сильно потрясли его и уже не давали ему покоя», – писала Эмма. Она подозревала, что их отпуску во французской глубинке, о котором Делонг мечтал в гренландских снегах, так и не суждено стать реальностью. «Полярный вирус навсегда проник в кровь Джорджа».

Делонга мучил важнейший вопрос, над которым до этого ломали головы Чарльз Холл и другие исследователи: как достичь Северного полюса? И каково там? Можно ли добраться туда морем? Водятся ли там неизвестные науке виды рыб и животных? Живут ли на льду неведомые чудища? Есть ли там пропавшие цивилизации? Есть ли водовороты, которые, как считалось, уходят в земные недра? Бродят ли по арктическим пустошам мохнатые мамонты и другие доисторические звери? Какие еще природные чудеса можно найти по дороге? Или же полюс совершенно другой – может, это зеленая земля, окруженная океанскими течениями?

«Чем больше он размышлял о Северном полюсе, – утверждала Эмма, – тем сильнее становилось его желание дать ответ, который убедит весь мир. Арктика околдовала его. Вернувшись в Нью-Йорк, он уже не забывал о ее великих тайнах».

Часть I

Огромное белое пятно

Глава 1

Жуткий шабаш смерти

Около полуночи в воскресенье, 8 ноября 1874 года, пока в типографии печатались первые экземпляры завтрашнего выпуска «Нью-Йорк геральд», в освещенном газовыми лампами здании на углу Бродвея и Энн-стрит царила суета. Стучали телеграфы, крутились валики прессов, в печатном цеху стоял звон быстро передвигаемых металлических шрифтов, редакторы требовали внести последние изменения, а на улице доставщики уже подогнали запряженные ломовыми лошадьми повозки и на холоде ожидали, пока их загрузят перевязанными веревкой пачками газет, которые затем нужно будет развезти по всем уголкам спящего города.

Как всегда, ночной редактор принес черновой вариант газеты на одобрение издателю. Это была не шутка: владелец «Нью-Йорк геральд» порой превращался в настоящего тирана и орудовал синим карандашом, как ножом, часто оставляя едва читаемые комментарии, которые шли по полям и спускались вниз. После обильно сдобренного вином ужина в ресторане «Дельмонико» он возвращался в офис, где литрами пил кофе и терроризировал весь персонал, пока номер наконец не сдавали в печать. Редакторы боялись его гнева и ничуть не удивлялись, когда он среди ночи требовал ломать всю верстку и начинать работу заново.

Джеймс Гордон Беннетт-младший был высоким, стройным и статным мужчиной 32 лет с аккуратно подстриженными усами и изящными руками. Его серо-голубые глаза казались холодными и властными, но в них проскальзывали и искорки озорства. Он носил подогнанные по фигуре французские костюмы и туфли из мягкой итальянской кожи. Чтобы справляться с переработками, он установил в мансардном офисе кровать, куда ложился вздремнуть на рассвете.

По большинству оценок, Беннетт был третьим богатейшим человеком в Нью-Йорке. Его годовой доход уступал лишь доходам Уильяма Астора и Корнелиуса Вандербильта. Беннетт был не только издателем, но и главным редактором и единственным владельцем «Геральда» – возможно, крупнейшей и влиятельнейшей газеты мира. Он унаследовал газету у своего отца, Джеймса Гордона Беннетта-старшего. «Геральд» считался одновременно информативной и развлекательной газетой: его страницы были пропитаны тонким юмором владельца, но в то же время полнились новостями. Беннетт опережал другие газеты, получая последние известия по телеграфу и трансатлантическому кабелю. Длинные очерки писали видные американские литераторы – Марк Твен, Стивен Крейн, Уолт Уитмен, Беннетт делал все возможное, чтобы привлечь их к сотрудничеству.

Помимо всего прочего, Беннетт был одним из самых завидных холостяков Нью-Йорка и славился своими романами со звездами бурлеска и пьяными загулами в Ньюпорте. Он входил в клуб «Юнион» и любил спорт. Восемью годами ранее он выиграл первую трансатлантическую регату. Он сыграл немалую роль в популяризации в США поло, велосипедных гонок и гонок на воздушных шарах. В 1871 году, в возрасте 29 лет, Беннетт стал самым молодым в истории командором Нью-Йоркского яхт-клуба и по-прежнему занимал этот пост.

Командор, как называли Беннетта, любил с ветерком прокатиться на упряжке или на небольшом катере. Поздно ночью, порой заправившись бренди, он выводил свой запряженный четверкой экипаж и несся по залитым лунным светом дорогам в окрестностях Манхэттена.

Бдительные прохожие с любопытством относились к его ночным похождениям, но в то же время пугались их, ведь Беннетт едва ли не всегда скакал голым.

Пожалуй, самым оригинальным вкладом Джеймса Гордона Беннетта в современную журналистику можно назвать его убеждение, что газета должна не просто описывать события, но и создавать их. Он полагал, что редакторам мало печатать новости, нужно продумывать громкие общественные драмы, которые подогревают интерес публики и возбуждают разговоры. Как впоследствии заметил один из историков американской журналистики, у Беннетта была «способность раскапывать потенциальные сенсации и вдыхать в них жизнь». Именно Беннетт в 1870 году отправил Генри Стэнли в далекую Африку на поиски исследователя-миссионера Давида Ливингстона. И не важно, что Ливингстон не желал быть найденным. Отчеты Стэнли, которые он отправил в «Геральд» в 1872 году, стали международной сенсацией – и Беннетту с тех пор хотелось повторить этот успех.

Критики называли эти эксклюзивные материалы «проделками» издателя – возможно, так оно и было. Но Беннетт был убежден, что стоит отправить первоклассного репортера разгадывать какую-нибудь человеческую загадку или решать географическую головоломку, и он обязательно вернется с интересными историями, которые будут способствовать росту продаж и распространению знаний. Беннетт готов был щедро платить за то, чтобы такие статьи постоянно появлялись у него в газете. «Геральд» можно было описать по-разному, но скучным его нельзя было не назвать.

Теперь, ранним ноябрьским утром, ночной редактор «Геральда» с содроганием ждал оценки еще теплого черновика нового номера, который он отправил на одобрение своему сумасбродному начальнику. Передовица содержала статью, которая при правильной подаче могла вызвать столь милую сердцу Гордона Беннетта шумиху. Это был один из самых невероятных и трагичных новостных репортажей, которые когда-либо появлялись на страницах «Геральда». Статья была озаглавлена **«Жуткий шабаш смерти»**.

Командор просмотрел газету и начал замечать ужасные подробности: в воскресенье ближе к вечеру, прямо перед закрытием зоопарка в Центральном парке, из клетки сбежал носорог. В приступе ярости он убил одного из зрителей – искалечил беднягу до неузнаваемости. Остальные зрители, которые как раз кормили животных, сбежали на крики, и в суматохе из своих вольеров ускользнули многие хищники, включая полярного медведя, пантеру, нумидийского льва, нескольких гиен и бенгальского тигра. О случившемся дальше было трудно читать. Животные, которые сначала набросились друг на друга, в итоге напали на горожан, прогуливающихся по Центральному парку. Многих затоптали, искалечили и разорвали на части – или и того хуже.

Репортеры «Геральда» прилежно описали все в деталях: как пантера склонилась над телом мужчины, «жутко рыча ему в лицо». Как африканская львица, «искупавшись в крови» нескольких жертв, пала от пули группы иммигрантов из Швеции. Как носорог убил швею по имени Энни Томас и затем убежал на север, где и погиб, споткнувшись и упав в глубокий канализационный коллектор. Как полярный медведь искалечил и убил двух мужчин, прежде чем отправиться к верхнему пруду. Как доктора в больнице Бельвью «обрабатывали ужасные раны» и вынуждены были «прибегнуть к целому ряду ампутаций... Как сообщается, одна девушка скончалась на операционном столе».

На момент сдачи номера в печать многие сбежавшие животные до сих пор бродили на свободе, из-за чего мэру Уильяму Хэвмайеру пришлось издать прокламацию, которой утаивался строгий комендантский час до устранения «угрозы». «Больницы полны раненых, – сообщал «Геральд». – В парке повсюду видны следы нападений, а среди деревьев прячутся звери, которые готовы в любую минуту наброситься на неосмотрительных пешеходов».

Беннетт даже не достал свой синий карандаш. В кои-то веки ему не хотелось ничего менять. Говорят, он откинулся на подушки и «застонал» от удовольствия.

Статья в «Геральд» была написана бесстрастно. Авторы обильно сдобрили ее ужасными деталями и добавили в список жертв имена реальных, порой довольно известных жителей Нью-Йорка. Однако вся история была выдумкой. Подталкиваемые Беннеттом, редакторы состряпали этот материал, чтобы показать, что в городе нет плана эвакуации на случай катастрофы, а также чтобы подчеркнуть, что многие клетки в зоопарке уже обветшали и нуждались в ремонте. Устаревший зверинец в Центральном парке, как впоследствии заявили редакторы, и близко не стоял с современным зоопарком в Ботаническом саду Парижа. Нью-Йорку давно пора было стать городом мирового класса, а нации, до столетнего юбилея которой оставалось чуть больше полутора лет, пора было обзавестись хотя бы одним отвечающим мировым стандартам парком, чтобы показывать в нем самых диких зверей планеты.

Чтобы никто не возмутился, что «Геральд» обманывает читателей, редакторы прикрыли себе спины. Любой, дочитавший «Жуткий шабаш смерти» до конца (надежно погребенного на последних страницах газеты) увидел бы следующее примечание: «Само собой, вся эта история – чистой воды вымысел. В ней нет ни единого слова правды». И все же, утверждала газета, городские власти не думают о том, как действовать при возникновении непредвиденной ситуации. «Готов ли Нью-Йорк к такой катастрофе? – спрашивал «Геральд». – Казалось бы незначительные причины нередко приводят к величайшим бедствиям».

Беннетт по опыту знал, что до конца статью прочитают лишь немногие жители Нью-Йорка, и в этом он был прав. Тем утром, когда над бурлящим городом начали подниматься привычные облака угольного дыма, люди раскрыли утренние газеты – и тут же вспыхнул хаос. Встревоженные горожане осаждали пристани, надеясь спастись на маленькой лодке или на пароме. Многие тысячи людей, следуя «прокламации» мэра, целый день не выходили из дома, ожидая новостей о прекращении кризиса. Кое-кто зарядил винтовки и отправился в парк охотиться на сбежавших животных.

«Готов ли Нью-Йорк к такой катастрофе? – спрашивал «Геральд». – Казалось бы незначительные причины нередко приводят к величайшим бедствиям».

Даже самому наивному читателю должно было сразу стать очевидно, что эта статья – обман. Но в то время газетам доверяли гораздо больше, ведь еще не появилось ни радио, ни телефонов, ни скоростного транспорта, и горожанам было сложно отличить слухи от правды.

В последующих номерах история получила продолжение. Теперь «Геральд» сообщал, что сам губернатор Нью-Йорка, герой Гражданской войны Джон Адамс Дикс, вышел на улицу и пристрелил бенгальского тигра, которого забрал в качестве трофея. В существенно расширенном списке перечислялись остальные сбежавшие из зоопарка животные, включая тапира, анаконду, валлаби, газель, двух обезьянок-капуцинов, белого дикобраза и четырех сирийских овец. Медведь гризли вошел в церковь Святого Фомы на Пятой авеню и там, в центральном проходе, «набросился на плечи пожилой дамы и вонзил клыки ей в шею».

Редакторы конкурирующих газет пребывали в восхищении. «Геральд» обошел их не в первый раз, но почему же их репортеры даже не обмолвились о столь важном событии? Редактор отдела городских новостей газеты «Нью-Йорк таймс» ворвался в полицейское управление на Малберри-стрит и обвинил полицейских в том, что они отдали историю «Геральд» в обход

его уважаемой газеты. На удочку попались даже некоторые работники «Геральд»: один из самых знаменитых военных корреспондентов Беннетта, очевидно не получивший служебной записки, тем утром заявился на работу с двумя огромными револьверами, готовый патрулировать улицы.

Как и ожидалось, конкуренты Беннетта обвинили «Геральд» в безответственности и распространении паники, которая могла привести к гибели людей. В редакторской колонке «Таймс» подчеркивалось: «Столь тщательно подготовленная история не могла появиться в печати без согласия владельца или редактора газеты, если, конечно, у этой странной газеты вообще есть редактор, что кажется довольно смелым допущением».

Но это праведное негодование не находило поддержки. «Звериная мистификация», как ее прозвали в народе, только привлекла к «Геральд» больше читателей. Она словно бы утвердила всех во мнении, что Беннетт держит руку на пульсе города и что его ежедневное издание не лишено юмора. «Этот инцидент помог, а не помешал газете, – заметил один из историков нью-йоркской журналистики. – Он дал горожанам тему для обсуждения и потряс публику так, как ее никогда прежде не потрясали. Общественности понравилась эта шутка».

Беннетту невероятно понравилась эта история – она до сих пор считается одной из величайших газетных мистификаций в истории. Статья даже достигла своей мнимой цели: клетки зверинца действительно починили.

Однако такого успеха, как при обнаружении Стэнли Ливингстона, добиться все же не удалось. Беннетт не перестал искать кандидата на роль столь же прибыльной саги. Его репортеры работали не покладая рук во всех концах света и охотились за следующей кассовой сенсацией. Его корреспонденты трудились в Австралии, в Африке и в Китае. Они описывали дебоши потускневших европейских монархов, шумные гулянки Уолл-стрит и перестрелки Дикого Запада. Они путешествовали по проходящему период реконструкции Югу и сообщали о всевозможных аферах.

Но больше всего Гордона Беннетта интересовал север. Он чувствовал, что там, под полуночным солнцем, скрываются гораздо более удивительные тайны. Закутанные в меха исследователи Арктики стали национальными героями – это были авиаторы, астронавты и странствующие рыцари своего времени. Люди с упоением читали истории о них. Беннетт чувствовал, что они представляют собой особый тип искателей приключений – ученых, миссию которых подпитывали темная романтика и отчаянное благородство. Будучи спортсменом, Беннетт не раз безрассудно шел на риск и на работе ожидал от своих репортеров того же. В этот героический век открытий Командор свято верил, что лучших корреспондентов следует отправить в ледяные пустоши вслед за отважными и одержимыми искателями этого Грааля.

Глава 2

Ne Plus Ultra

Северный полюс. Макушка мира. Апогей, апекс, высшая точка. Этот регион так и манил к себе людей. Он возбуждал общественный интерес, оставаясь великой загадкой – столь же таинственной и неизведанной, как поверхность Венеры и Марса. Северный полюс был и физическим местом, и географической абстракцией – той точкой, где сходились все меридианы карты. Находясь на Северном полюсе, идти можно было по определению только на юг. Полгода там царила темнота, а полгода светило солнце. В некотором роде там замирала хронология, ведь на полюсе сходились все часовые зоны.

Эксперты понимали все это или хотя бы считали, что понимают. Но почти все остальное о Северном полюсе: лед там, земля или море, тепло там или холодно, влажно или сухо, пустынно или обитаемо, высятся ли там горы или змеятся лабиринтами тоннели к центру Земли, работают ли там законы гравитации и геомагнетизма – оставалось загадкой.

Эта загадка едва не свела Чарльза Холла с ума. Прежде чем отправиться в экспедицию на «Полярисе», он написал: «В нашем современном мире есть огромное слабое место, и этим местом является белое пятно на картах и глобусах, которое простирается примерно от 80° северной широты до Северного полюса. Лично мне становится стыдно при мысли о том, сколько тысяч лет назад Бог даровал человеку этот прекрасный мир – *целиком и полностью*, – но та его часть, где, должно быть, находятся самые интересные и удивительные чудеса, до сих пор остается неизведанной, будто она и не была создана».

«Полярная проблема», как ее порой именовали в прессе, превратилась в досадную, надоедливую одержимость. Людям *нужно* было знать, что находится там, наверху, причем интересовались этим не только ученые, но и общественность. Северный полюс, как выразился лондонский журнал «Атенеум», был «недоступным объектом из наших снов». Видный немецкий географ Эрнст Бем сравнил незнание человечества о том, что находится на полюсах, с неудовлетворенным любопытством домовладельца, которому хочется выяснить, как выглядит его мансарда. «Семья, конечно же, осматривает все комнаты своего дома, – писал Бем, – вот и человечество с самого начала хочет познакомиться со всеми землями, океанами и регионами планеты, дарованной ему в качестве места обитания».

В передовице «Нью-Йорк таймс» того времени слышится отголосок настроений Бема: «Человек не может смириться с существованием тайны, его не устраивает постоянный вопрошительный знак на конце земной оси, ибо он не любит вопросы без ответов».

К 1870-м годам на планете не осталось загадки важнее. Антарктика, конечно, была не менее таинственна, однако Южный полюс считался менее достижимой целью для передовых исследовательских стран, которые все как одна были расположены в Северном полушарии. Сложно представить, как сильно человечеству хотелось раскрыть арктическую тайну. В популярной культуре и мировой литературе то и дело высказывались предположения о том, что находится на Северном полюсе: об этом говорилось и в книгах Жюль Верна, и даже во «Франкенштейне» Мэри Шелли (где ученый-протагонист преследует своего монстра по льдам до самого Северного полюса). Приводились и практические аргументы необходимости отыскать полярный Грааль – можно было присвоить землю, добыть полезные ископаемые, открыть новые торговые пути, основать колонии и изучить новые виды. Эту географическую загадку нужно было решить, и решивший ее не мог не добиться славы. Но задача была даже более фундаментальной и необычной: достичь самой далекой точки, добраться до *ne plus ultra*, где прежде не ступала нога человека.

«В зачарованном круге Арктики, – замечал «Атлантик мансли», – лежит цель географических амбиций... итоговое решение полярной проблемы. Можно сказать, что долгие годы

бесплодных усилий и ужасных страданий лишь возбудили аппетит к открытиям; чем больше мы узнаем о нашей планете, тем отчаяннее становится желание географов увидеть таинственный полюс». В 1871 году в журнале «Нейчер» вышла статья, которая назвала поиски полюса величайшей научной и географической загадкой своего времени: «Огромный участок прежде неизведанной суши или моря, который окружает северный конец земной оси, представляет собой самую важную область исследований, доступную для изучения нынешнему или будущему поколению».

В некотором роде одержимость Арктикой подпитывалась и национализмом. Медленно восстанавливаясь после разорительной Гражданской войны, американцы стремились проявить себя на мировой арене. Полярная экспедиция, как предполагалось, могла помочь с объединением расколотой на два лагеря страны – в этом начинании даже у Севера и Юга не могло возникнуть разногласий. Грандиозная исследовательская экспедиция предоставила бы еще не до конца сплоченной республике способ направить свои силы в квазивоенное, но на самом деле мирное русло.

«Полярная проблема», как ее порой именовали в прессе, превратилась в досадную, надоедливую одержимость. Людям *нужно* было знать, что находится там, наверху, причем интересовались этим не только ученые, но и общественность.

Как считается, в 1827 году британский морской офицер Уильям Перри возглавил первую серьезную экспедицию, перед которой стояла цель достичь Северного полюса. С тех пор большую часть полярных экспедиций снаряжало именно Британское адмиралтейство. Во многом это объяснялось чуть ли не религиозным фанатизмом второго секретаря адмиралтейства Джона Барроу по отношению к Арктике, а также тем фактом, что после победы над Наполеоном Королевский флот был мало задействован в войнах XIX века. Огромные суда величайшего в мире флота ветшали без движения, жалование многих офицеров было урезано вполтину из-за сокращения обязанностей, однако их амбиций было не унять. Британцы сосредоточили усилия на поисках морского пути вдоль северного побережья Канады – и на поисках более ранних английских экспедиций, которые исчезли, разыскивая этот Северо-Западный проход.

Но теперь, в конце 1870-х годов, внимание переключилось с поисков Северо-Западного прохода на попытку достичь Северного полюса, которая не имела под собой никаких практических оснований. В надежде первыми оказаться на полюсе экспедиции снарядили или объявили не только Англия, но и Франция, Россия, Швеция, Германия, Италия и Австро-Венгерская империя. Соединенные Штаты полагали, что могут тягаться с такими конкурентами, и многие американцы горячо желали увидеть на вершине мира звездно-полосатый флаг.

Стремление Америки продвинуться на север в некотором роде можно считать продолжением доктрины явного предназначения, которая осуществлялась при расширении страны на запад. В 1869 году была окончена постройка трансконтинентальной железной дороги, благодаря чему западные рубежи оказались достигнуты или хотя бы их завоевание перешло в другую стадию, которая предполагала меньше исследовательских вылазок и больше грязной работы по оккупации и заселению новых территорий. Но в 1867 году Соединенные Штаты за смешные 7,2 миллиона долларов купили у Российской империи Аляску, и этот огромный новый регион по-прежнему оставался неосвоенным и по большей части неизведанным. Таким образом, достигнув Калифорнии, национальное движение на запад сделало резкий правый поворот и теперь направилось на север.

В 1873 году Америка еще не переварила покупку Аляски и пыталась осознать, что за огромной территорией владела на севере и зачем она была ей нужна. Потраченные на русскую землю деньги стали объектом разногласий – Аляску до сих пор называли «капризом Сьюарда», «сьюардовским холодильником» или «сьюардовским зоопарком полярных медведей» по имени бывшего государственного секретаря Уильяма Сьюарда, который настаивал на приобретении и вел переговоры с Россией. И все же американцы хотели знать, что лежит за новыми северными границами страны, и желали найти героя, который стал бы воплощением северных стремлений Соединенных Штатов.

Джордж Делонг постепенно приходил к выводу, что может стать этим героем. С тех пор как он своими глазами увидел Арктику, полярная проблема не выходила у него из головы. Он хотел добавить свое имя в пантеон – в своеобразную галерею скитальцев – исследователей севера. Он поставил перед собой смелую цель раскрыть великую тайну и достичь Северного полюса. «Если мне не суждено преуспеть, – писал он, – я сочту за честь, что мое имя добавят в список попытавшихся».

Это стремление сначала заняло его мысли, а затем и чувства. До конца жизни он так и не расстался с идеей добраться до Северного полюса.

Делонг прославился своим плаванием на «Малой Джуниате» еще до того, как вернулся в Нью-Йорк. Корреспондент «Нью-Йорк геральд» Мартин Мэер передавал длинные сообщения по телеграфу из Сент-Джонса, и редакторы газеты печатали их в качестве истории с продолжением. Мэер назвал восьмисотмильное путешествие «Малой Джуниаты» вдоль берега Гренландии героическим плаванием едва ли не исторических масштабов. Делонг, который вызвался добровольцем на опасную миссию по спасению незнакомых ему людей, был очень симпатичен публике, понравилась читателям и его готовность идти дальше на север, даже когда лед начал затирать маленький пароход.

Делонг и «Малая Джуниата» были у всех на устах. «Ее знаменитое плавание к мысу Йорк, – утверждал Мэер, – стало самым смелым и отчаянным отрезком всей экспедиции. Прекрасно продуманный и мастерски исполненный план не каждому был по плечу. Но дело не терпело отлагательств, и добровольцы не заставили себя ждать. Не стоит и упоминать, с какими невероятными трудностями столкнулось маленькое суденышко в краю вечных льдов и как отважный капитан, хотя запасы топлива и были исчерпаны более чем наполовину, был решительно настроен идти вперед, в самое сердце бури; как его снова и снова отбрасывало назад, но он кричал лишь: «Вперед!»; как корабль пошел по так называемому ложному следу и оказался зажат в железные тиски льда, которые пришлось таранить, пока наконец не получилось освободиться лишь с тем, чтобы чуть дальше достичь надежного и непреодолимого барьера, лишившего операцию последней надежды на успех. Можете назвать эту миссию безрассудной, но героизм лейтенанта Делонга и его храбрых товарищей должен навсегда остаться в нашей памяти потрясающим примером самопожертвования и приверженности благородной цели».

Такое внимание смущало Делонга. Он «не выносил общественного признания, – писала Эмма, – и любой ценой старался его избегать. Он исполнил свой долг и не видел никаких причин раздувать из этого сенсацию». В то же время он чувствовал силу известности и понимал, что его слава может помочь ему при планируемом возвращении в Арктику.

Газеты так многословно воспевали Делонга в том числе и потому, что остальные новости с «Поляриса», которые той осенью просочились в печать, были сплошь печальны и безнадёжны. Эта экспедиция рассыпалась, еще даже не покинув Соединенных Штатов. Команде не доставало дисциплины и понимания собственной миссии. На корабле сформировались отдельные группировки, которые плели интриги и сеяли раздор – к примеру, немалое число немцев на борту «Поляриса» почти не разговаривало с американцами. Глава экспедиции Чарльз Холл не пользовался авторитетом: сначала его попытались сместить с поста, а затем, похоже, и вовсе убили.

Когда он умер, остальные вздохнули с облегчением, но вскоре погрязли в моральном разложении и анархии. Все бортовые журналы, записи и научные приборы экспедиции были потеряны. Оставшиеся на борту «Поляриса» люди, очевидно, не предпринимали никаких усилий, чтобы разыскать своих пропавших товарищей, когда льдина, на которой те разбили лагерь, откололась и уплыла от корабля. Те же несчастные, которые оказались на льдине, жили в постоянном страхе и не доверяли друг другу, опасаясь каннибализма. Позже следственная комиссия ВМС выявила множество случаев неподобающего поведения. Куда ни глянь, эта экспедиция была весьма печальной и мрачной историей – историей без героев, которая выставляла Америку в неприглядном свете. Как заметили в лондонской «Таймс»: «В тени этого корабля-призрака таилась смерть – во множестве ужасных проявлений».

Впечатлительному человеку плавание «Поляриса» могло стать предостережением об опасностях путешествиях в Арктику. Но Джорджа Делонга было не так легко напугать. Он уже анализировал экспедицию Холла и решал, что нужно сделать по-другому, чтобы экспедиция оказалась более эффективной и добилась большего успеха. Делонг поклялся, что, став капитаном полярной экспедиции, он будет гораздо чаще использовать новейшие технологии. Он наберет в команду офицеров ВМС, которые будут неукоснительно соблюдать дисциплину, тем самым исключая возможность мятежа. Он будет отбирать команду более тщательно, не допуская ни создания группировок, ни дисбаланса национальностей и рангов. Он более основательно укрепит судно для плавания во льдах и погрузит больше продовольствия, медикаментов и научных приборов.

Делонг чувствовал себя обязанным исправить ошибки Холла и победить в этой гонке – для ВМС и для Соединенных Штатов.

Новообретенная слава открыла Делонгу двери в другие социальные круги. Вечером 1 ноября 1873 года его пригласили на ужин в доме Генри Гриннела, знаменитого нью-йоркского филантропа и богатого торговца. Гриннел живо интересовался Арктикой и за несколько предыдущих десятилетий финансировал множество экспедиций на север – как британских, так и американских. Степенный, седобородый мужчина 74 четырех лет, он всегда одевался с иголочки. Его большие, чуть навывкате глаза блестели, выдавая острый ум. Один из основателей Американского географического общества, Гриннел обладал самой обширной в Америке коллекцией книг, географических карт и планов Арктики. Его имя навсегда было оттиснуто в Арктике – крупную часть острова Элсмир называли Землей Гриннела в его честь. Ни один другой человек в Соединенных Штатах не посвящал больше мыслей полярной проблеме и не выделял больше средств для ее решения.

Тем вечером, в субботу, Гриннел собрал ученых, географов, исследователей и моряков в своем прекрасном доме номер 17 по Бонд-стрит на Манхэттене, чтобы обсудить последние идеи в сфере изучения Арктики. В кабинете Гриннела, где на столе были разложены карты, собравшиеся джентльмены чествовали Делонга как героя и возможного капитана следующей американской экспедиции в Арктику. Их встреча стала анализом экспедиции Холла, которую в немалой степени финансировал Гриннел. Чему можно было научиться на этой ошибке? Как иначе организовать будущую экспедицию? И главное – каким путем ей идти?

Все сходились во мнении, что Гренландия – не лучший портал для достижения полюса. Катастрофическая экспедиция Холла еще раз подтвердила коварство этого региона. Делонг уже навел кое-какие справки, пытаясь разыскать более удачный полярный маршрут. Вскоре после возвращения из гренландских морей он посетил Нью-Бедфорд в штате Массачусетс, который фактически являлся китобойной столицей Соединенных Штатов. Там он пообщался с несколькими капитанами китобойных судов, закаленными в плаваниях моряками, которые лучше всех понимали арктические течения и ветра. Эти старые морские волки сказали Делонгу, что попытка достичь полюса через Гренландию неоправданно тяжела – один даже

сказал, что это все равно что «идти в гору». Капитаны полагали, что господствующие вокруг Гренландии течения и ветра постоянно сдвигают ледяной щит на юг, поэтому при движении на север придется без конца пробиваться сквозь льдины.

Однако, по их мнению, гораздо проще было добраться до полюса через северную часть Тихого океана и Берингов пролив – это будет все равно что «идти под гору». Делонг понимал, что эти советы представляют собой не научно доказанные факты, а практические наблюдения профессионалов, которые каждый год отправляются к границам ледовой шапки в погоне за ценным животным жиром. И все же позиция капитанов была понятна: зачем бороться с природой, когда можно работать с ней заодно?

В 1869 году французская экспедиция под руководством ученого Гюстава Ламбера планировала достичь полюса через Берингов пролив, но эту экспедицию отменили из-за начала Франко-прусской войны. Два года спустя Ламбер погиб при осаде Парижа, поэтому экспедиция так и не была организована.

Теперь гости Гриннела потягивали бренди и задумчиво поглаживали бороды. Казалось, их заинтриговала возможность отправки полярной экспедиции через Берингов пролив. По этому пути еще никто не ходил – к тому же в качестве отправной точки можно было использовать недавно приобретенную американцами Аляску. Тем холодным ноябрьским вечером в прокуренном салоне на Бонд-стрит идея заблестела всеми гранями. Гриннел предложил тост: под гору, к полюсу – любой ценой!

Делонг был благодарен Гриннелу за приглашение и поддержку его кандидатуры в качестве следующего полярного капитана. Он не постеснялся прямо спросить Гриннела: вы финансируете экспедицию?

Гриннел всех удивил своим отказом. Он больше не хотел выделять деньги на полярные исследования. Полярная проблема по-прежнему занимала его, но он был уже стар – его беспокоило здоровье. Он достаточно потратил на эти экспедиции и не хотел больше быть покровителем севера. Возможно, его напугала экспедиция Холла.

Но кто мог занять его место? Делонгу нужен был ответ. Куда ему обратиться? Он понимал, что все расходы ВМС на себя не возьмет. Для продолжения арктических исследований нужен был новый спонсор.

Когда Делонг обратился к присутствующим за идеями, нашелся лишь один ответ: Беннетт.

Глава 3

Бог творения

Через несколько месяцев, ранним утром 5 мая 1874 года, на углу 38-й улицы и Пятой авеню в Нью-Йорке собралась толпа. Из стороны в сторону прохаживались некоторые наиболее уважаемые жители города, которые заключали пари прямо возле своих блестящих экипажей. Ухоженные лошади в упряжках цокали копытами по пыльной мостовой, северный ветер гулял в кронах вязов, высаженных вдоль неясных очертаний особняков. Переулки наполнились всевозможными экипажами – там были фаэтоны, ландо, пролетки и омнибусы. Стояло утро вторника, моросил дождь. С гудящих над головами собравшихся телеграфных проводов капали крупные капли. И все же на Пятой авеню царило приподнятое настроение, и даже в этот ранний час кое-кто из мужчин передавал друг другу фляги с виски и нюхал табак.

В самом центре толпы разминался невысокий мускулистый мужчина по имени Джон Уипл. Молодой аристократ и видный член клуба «Юнион», Уипл, несмотря на коренастое телосложение, был видным атлетом. Как и большинство джентльменов его круга, он умел стрелять, ходить под парусом и скакать на коне. Но самых больших успехов Уипл добился на удивительном поприще спортивной ходьбы. Он даже стал чемпионом. Его называли самым быстрым пешеходом страны. Многие годы никто не мог одолеть его на соревнованиях по ходьбе. Тем утром, одетый в черные бриджи и черную кепку, Уипл готовился к встрече с последним противником.

Без нескольких минут семь массивные двери особняка по адресу Пятая авеню, 425, распахнулись, и на крыльце показался соперник Уипла. На нем были твидовая спортивная куртка, белая кепка и высокие кожаные ботинки. Когда он спустился по влажным ступеням, толпа поприветствовала Джеймса Гордона Беннетта-младшего.

Беннетт никогда не пробовал себя в спортивной ходьбе. На самом деле он с сомнением относился к талантам Уипла и хотел сбросить его с пьедестала. Однажды вечером в начале апреля они встретились в залах клуба «Юнион» и договорились о состязании. Был назначен приз в 6000 долларов и определен десятимильный маршрут, который начинался возле особняка Беннетта и заканчивался возле ипподрома Джером-Парк по другую сторону пролива Харлем в Бронксе. Действующий чемпион и претендент приступили к тренировкам. Состязание было назначено на 5 мая, какая бы ни выдалась погода.

Беннетт вышел на многолюдную улицу в сопровождении своего тренера. На самом краю тротуара стоял корреспондент «Нью-Йорк таймс», делавший заметки у себя в блокноте. «Контраст между соперниками, – писал он, – поражал воображение: «Беннетт был почти на полголовы выше своего противника. Его гораздо более коренастый оппонент, однако, был весьма мускулист и вынослив». Двое арбитров с карманными часами в руках встали возле стартовой черты, а судья приветствовал атлетов и напомнил правила встречи: не толкаться, не отклоняться от заданного маршрута и, само собой, не переходить на бег.

В двух кварталах от старта церковный колокол ударил в первый раз, и соперники пригнулись. Удары раздавались один за другим: пять... шесть... семь. Судья воскликнул: «Марш!» Ходоки сорвались с места и направились на север по Пятой авеню мимо Кротонской водонапорной станции, украшенных башенками особняков аристократов «позолоченного века» и Центрального парка, который официально открылся годом ранее. На лужайках парка паслись овцы, время от времени из зверинца, располагавшегося возле арсенала на Шестидесят четвертой улице, доносилось рычание диких кошек.

Соперники шли на север по Пятой авеню, а их тренеры время от времени обгоняли их бегом, чтобы сопровождать спортсменов и указывать на недочеты в технике. «Противники шагали очень быстро, – сообщал репортер «Таймс», – и постоянно ускорялись, очевидно,

пытаясь по возможности измотать друг друга в самом начале состязания». На улице было так скользко, что ходоки с трудом выдерживали темп, их напряжению «можно было посочувствовать».

Тем временем зрители на стартовой черте расселись по своим экипажам и «пустили лошадей рысью – пролетки шли почти вровень со спортсменами». Беннетт при каждом шаге взмахивал руками. «Можно даже сказать, – заметил репортер, – что он шел не одними ногами, но и руками». Такая техника, похоже, работала: к концу первой мили Беннетт вырвался на несколько шагов вперед. Уипла это раздосадовало, но он «не сбавлял шага, надеясь обойти соперника позже».

Беннетт сбросил кепку и твидовую куртку и «принялся работать с удвоенной энергией». Жалуясь на камушки в ботинках, он все же опережал соперника. Уипл «не жалел сил», но, когда противники повернули налево на 110-ю улицу, а затем пошли по Сент-Николас-авеню, возникло ощущение, что Беннетт может одержать сенсационную победу. Репортеру «Таймс» казалось, что Уипл «медленно, но верно сдает позиции». Он так запыхался, что в какой-то момент ему даже пришлось присесть на тротуар.

Когда Беннетт пересек пролив Харлем по Мекумбскому мосту, между ними с Уиплом было уже не менее 300 ярдов, и он приближался к финишу «с неиссякаемой энергией». Он прошел по Фордхэму и по Централ-авеню, а в 8:46:55 триумфально вошел в Джером-Парк. Семь минут спустя до финиша добрался Уипл. На вопрос о причинах поражения бывший чемпион ответил расплывчато – ему оставалось лишь предположить, что он «перетренировался» в преддверии состязания.

Беннетт не удивился своей победе. Он привык побеждать и *ожидал* победы в любой гонке, но при этом не любил повышенного внимания к своей персоне. Когда репортер «Таймс» спросил его, как ему удалось одержать победу, он не мог найти слов. «Знаете, я всегда хожу», – только и сказал он. Беннетт и Уипл вместе позавтракали в клубе Джером-Парка и отправились обратно на Манхэттен, оставив зрителей гонки распределять выигрыши – по последующим оценкам, на кону оказалось около 50 000 долларов.

Мультимиллионер, с которым Делонгу посоветовали встретиться гости Генри Гриннела, обожал зрелища. Для Джеймса Гордона Беннетта-младшего жизнь была постоянным приключением, проверкой на вшивость, бравурным маршем. Беннетту нравилось быстро ходить, быстро плавать, быстро ездить, быстро знакомиться с женщинами, быстро принимать решения, быстро связываться с другими людьми. Ему были по нраву любые новые изобретения и разработки, которые обещали ускорить пульс национальной крови. Поэтому, когда в начале 1874 года Джордж Делонг приехал в Нью-Йорк и навестил Беннетта в его отделанном белым мрамором офисе на углу Бродвея и Энн-стрит, Беннетт с готовностью его выслушал. Делонг высказал свое желание достичь Северного полюса. Он объяснил, почему считает, что сейчас для этого самое время, и подчеркнул, что Америке суждено возглавить исследование Арктики, но Гриннел устал финансировать полярные экспедиции. Учитывая безынициативность ВВС США, любой американской экспедиции нужен был покровитель, который занял бы место Гриннела. Делонг понимал, что профессиональная экспедиция на север должна стать уникальным совместным предприятием – национальным проектом, поддерживаемым частными пожертвованиями.

Беннетту приглянулась по душе идея столь смелой арктической экспедиции – он даже подумал, не отправиться ли ему самому вместе с Делонгом. Арктический толчок пошел бы на пользу нации, на пользу науке, спорту и – самое главное – его газете. Он идеально соответствовал его интересам.

Повесе-издателю понравился Делонг, понравились его настойчивость, любовь к дисциплине, которая питала его азарт, и живость его глаз, блеск за стеклами его пенсне. Прекрасно проявив себя в Гренландии, Делонг стал главным кандидатом на пост капитана следу-

ющего плавания на север. И в это плавание он мог отправиться под покровительством газеты «Нью-Йорк геральд». Эту историю газета Беннетта могла склонять на все лады, ведь исследованию Арктики было по силам соперничать даже с репортажами Стэнли из Африки. Само собой, главную историю писал бы сам Делонг, но на борту был бы и штатный корреспондент «Геральд». Беннетт готов был полностью оплатить экспедицию.

Было решено, что Делонг подыщет крепкое судно, пригодное для плавания по Арктике, и начнет собирать команду. Беннетт тем временем посоветуется с лучшими учеными и географами Европы и узнает их мнение по поводу решения арктической проблемы.

Потом Делонг ушел. Нельзя сказать, чтобы они с Беннеттом расстались друзьями, но они точно нашли общий язык. «Они сразу понравились друг другу, и Беннетт пообещал профинансировать проект, – впоследствии написала Эмма Делонг. – Беннетт сразу понял, что нашел человека, которого так долго искал».

Они были странной парой. И все же, несмотря на множество препятствий, из-за которых их миссия на север постоянно откладывалась, Делонг и Беннетт никогда не изменяли своей мечте.

Джордж Делонг нашел своего Медичи, но не мог и предположить, насколько эксцентричен Беннетт, ведь в Нью-Йорке он встретился с ним лишь ненадолго. Делонг не знал о множестве страстей Беннетта, о свойственных ему предрассудках, внезапных вспышках гнева и капризах. Может, Беннетт и был самым завидным холостяком Нью-Йорка, но он был и самым хитрым нью-йоркским плутом.

Он был «Беннеттом Грозным, безумным Командором, автократом трансатлантических кабелей», как написал один из его биографов. Он считал себя одним из «богов творения». Один из редакторов «Геральд» впоследствии сказал, что его начальник был «властителем романтических сфер, но порой становился романтическим правителем. Он поддавался любому порыву и с легкостью ломал все устои».

Беннетт имел обыкновение войти в один из лучших ресторанов Парижа или Нью-Йорка и, к вящему ужасу управляющих, пойти по проходу к своему столику, по пути срывая скатерти и сбрасывая на пол тарелки и бокалы. Он всегда был готов выписать чек и возместить причиненный ущерб. Однажды после мюзикла в Амстердаме он пригласил красивую ведущую актрису и остальной состав осмотреть свою яхту. Затем он незаметно вышел в море и несколько дней бороздил просторы Атлантики, фактически держа всю труппу в заложниках и требуя снова и снова повторять представления – и не оставляя при этом попыток соблазнить молоденькую старлетку. Вернувшись в порт, Беннетт охотно выплатил Амстердамскому театру огромную сумму, чтобы покрыть убытки.

Уследить за тем, что нравилось и не нравилось Беннетту, было почти невозможно. На завтрак он ел только яйца зуйка. Он не позволял ни одному из стюардов своих яхт отпускать усы и бороду. Он собрал в своей коллекции сотни термометров и барометров и с интересом наблюдал за малейшими изменениями погоды. Он обожал померанских шпицев – у него жил не один десяток этих собачек, которые пили исключительно родниковую воду «Виши». Беннетт полагал, что эти комки шерсти так точно чувствуют человеческую натуру, что порой нанимал редакторов или отказывал им в должности лишь на основании реакции собак, когда перспективный работник входил в комнату. Некоторые из кандидатов на должность, наслышанные о странной привязанности Беннетта к своим собакам, приходили на собеседование, набив карманы кусочками сырого мяса. Беннетт также восхищался совами: они были у него повсюду – живые, нарисованные, отлитые в бронзе, на запонках, на письменных принадлежностях. Ими были украшены его особняк, его яхты, его загородные дома. Его завораживало, как они подмигивают и вращают головой. Он восторгался их ночным образом жизни.

Сложно было сказать, что давали в сумме все эти причуды – может, их и не стоило бы перечислять, если бы Джеймс Гордон Беннетт не был при этом своеобразным, но блестящим издателем, которого характеризовали поразительная чувствительность и удивительный нюх на то, чего жаждет американская публика. Он стал одним из отцов века коммуникаций. Хотя работать на него было сущим кошмаром, он все же создал один из величайших органов американской журналистики.

Делонгу так и не удалось понять своего покровителя, но он был рад их знакомству. Ему повезло найти человека, который обладал не только бездонными запасами средств, но и ненасытным аппетитом к историям, способным всколыхнуть весь мир.

Глава 4

Ради вас я готов на все

Новый полярный герой Америки был человеком множества талантов. Его беспрестанно раздирали противоречия. Эмма Делонг полагала, что внутри ее мужа идет «бесконечный конфликт» между импульсивностью и упорными стараниями, между любовью к приключениям и стремлением достичь великих целей. Делонг мог быть романтиком, порой даже экстравагантным. У него, по словам Эммы, было «голодное сердце», но он по доброй воле большую часть жизни провел в смиренной рубашке жесткой дисциплины. Он с удивительной ясностью понимал, чего хотел, и убежденно преследовал свои цели: сопротивление лишь усиливало его пыл.

Делонг любил оперу, симфоническую музыку и хорошие романы. Он был ответственным корреспондентом и писал прекрасные письма изящным, витиеватым почерком. Он обо-жал свою дочку Сильвию и терпеть не мог задания, которые отрывали его от повседневных радостей семейной жизни. Позволяя Эмме вести хозяйство и распоряжаться большей частью финансов, Делонг спокойно относился к домашним делам. Однако, командуя кораблем, он строго следил за дисциплиной и не допускал неисполнения приказов. Один историк назвал его стиль командования «монолитным». Будучи, в сущности, порождением флота, он больше всего на свете презирал флотскую иерархию, флотскую политику и флотские законы – все это казалось ему тяготами и скукой.

Делонг винил флот в своих худших чертах. Однажды он написал: «Корабельная жизнь меняет характер. Марк Твен в «Простаках за границей» говорит, что в море проявляются «все плохие качества человека и развиваются новые, которые прежде были ниже его достоинства». Возможно, это относится и ко всем острым углам моего собственного характера». Он признавал, что бывает «резковат», но такова уж жизнь флотского офицера. «Могу лишь сказать, что я не допускаю споров, – писал Делонг. – Мое дело – командовать, а их – подчиняться».

В 1870-х годах Соединенные Штаты нельзя было назвать морской державой мирового уровня, и Делонг это понимал. Хотя американские ВМС постепенно совершенствовались, многие европейские государства считали этот крошечный и устаревший флот не более чем шуткой. Согласно историку флота Питеру Карстену, он представлял собой «третьесортное сборище старых посудин» «разной степени ветхости... над ним смеялся весь мир». Жизнь офицеров американского флота не наполнилась приключениями – вместо этого в ней были тесные каюты, низкое жалованье, драконовская дисциплина и конкуренция за повышение ранга, которое происходило крайне медленно и почти ничего не давало.

Большинство заданий сводилось к тому, чтобы «показывать флаг» в заграничных портах и выполнять монотонную, отупляющую работу на борту корабля. Это была жизнь «ужасной безнадеги», как сказал в то время один из младших офицеров. «Лучшие годы жизни» поглощались выполнением «самых скучных, неинтересных и бесполезных обязанностей». Как и многие молодые офицеры, Делонг часто чувствовал, что он понапрасну тратит свои лучшие дни. «Застойный флот, – заметил один из историков судоходства, – был не местом для человека действия».

Джордж Делонг как раз был человеком действия, которого будоражили большие идеи. Неудивительно, что Арктика, несмотря на все тяготы и лишения, так сильно его увлекла. Так он мог избежать монотонности флотской службы, добиться если не богатства, то славы, и получить возможность быстрее подняться по службе, одновременно делая кое-что значимое для науки и нации. Полярная экспедиция предлагала путь вверх, который не могла предложить обычная карьера флотского офицера – по крайней мере, в мирное время. Рискованное плавание в Арктику было сравнимо с военным заданием, но при этом воевать было не обязательно.

Но главное – это плавание давало возможность гораздо быстрее стать капитаном корабля, а к этому Делонг стремился с юности.

Джордж Фрэнсис Делонг родился в Нью-Йорке 22 августа 1844 года и был единственным ребенком небогатой семейной пары из Бруклина. Отец Джорджа, холодный и безразличный потомок французских гугенотов, почти не занимался сыном. Его воспитывала католичка-мать, которая обожала Джорджа, но чересчур опекала его и едва не душила своим вниманием. Боясь, что сын может пораниться, она не разрешала ему играть на улице и резвиться с соседскими детьми. Требуя от него пунктуальности, она заставляла его пешком ходить в школу, хотя она и находилась далеко. Эмма утверждала, что мать Делонга была «болезненно заботлива по отношению к нему» и строго-настрого запрещала ему кататься на коньках, плавать и ходить под парусом, «ревностно оберегая его от внешнего мира и ограничивая обычные мальчишеские игры».

Однажды соседские ребяташки, принявшие его замкнутость за заносчивость, подстергли его в засаде и закидали снежками, подступив почти вплотную. В снежной битве барабанную перепонку Джорджа повредили осколки льда, и у него развилась инфекция внутреннего уха. Семейный врач опасался, что Джордж может лишиться слуха, и несколько недель присматривал за ним. Историк Арктики впоследствии иронично заметил, что инцидент со льдом стал своего рода предвестником будущего – «первым знакомством Делонга с недружественным льдом».

Вынужденный сидеть в четырех стенах, раздосадованный таким положением вещей Джордж обратился к книгам. «Он жаждал приключений, внутри него кипела энергия, которая находила выход в интеллектуальном рвении», – замечалось в его краткой биографии, опубликованной в 1880-х годах издательством «Хотон и Миффлин». Джордж практически поселился в Торговой библиотеке на Манхэттене, а когда немного подрос, даже стал одним из библиотекарей. Джордж интересовался историей и часто читал о великих монархах, политиках и генералах. В противовес унылой безопасности своего детства он мечтал о карьере, полной приключений. Когда ему было шестнадцать, он решил, что его второе имя – Фрэнсис – слишком женственно, и захотел сменить его и стать Джорджем Вашингтоном Делонгом. Его родители были озадачены таким желанием сына, но Джордж настаивал, так что имя вскоре сменили.

Примерно в то же время Джордж стал знатоком морских сражений войны 1812 года и ценителем приключенческих романов Фредерика Марриета об открытом море. Эти книги возбуждали в нем желание поступить в Военно-морскую академию. Он представлял, как бороздит морские просторы, сражается в битвах и заходит в заграничные порты. «Из-за постоянных ограничений детства, – замечалось в биографии «Хотон и Миффлин», – ему не давало покоя желание большей свободы».

Мать Джорджа была категорически против того, чтобы ее единственный сын шел служить на флот, ведь такая карьера таила в себе много опасностей. Она хотела, чтобы Джордж стал адвокатом, дипломатом или врачом. Но он и слышать об этом не желал. Хотя для этого понадобилась немалая настойчивость: Делонгу пришлось поехать на поезде в Вашингтон и просить министра военно-морских сил о приеме в академию. Осенью 1861 года он начал учиться в Военно-морской академии США.

Во время Гражданской войны администрация Линкольна сочла разумным перевод Военно-морской академии из Аннаполиса в несколько разнокалиберных зданий в Ньюпорте, так что курсантские годы Делонга прошли в Род-Айленде. Летом в Ньюпорте также часто гостил молодой Гордон Беннетт, который держал там свои яхты. В академии Делонг зарекомендовал себя вдумчивым студентом и образцовым кадетом. Там он расцвел, впоследствии он написал: «Я наконец-то оказался в своей среде». Весной 1865 года он окончил учебу, став десятым в своем выпуске. Война как раз подошла к концу.

Молодым людям, повзрослевшим сразу после Гражданской войны, был нередко свойственен своеобразный комплекс неполноценности: им казалось, что история прошла мимо них, что их отцы, дяди и братья приняли участие в судьбоносных событиях, а их эти события обошли стороной. Значительность жертвы предыдущего поколения заставляла молодых людей вроде Делонга чувствовать себя несовершенными и безнадежно неопытными. Если Делонгу не суждено было добиться славы на полях сражений, быть может, он сумеет заслужить ее на ледяных полях.

Однако первые флотские поручения Делонга славными было не назвать. Сначала он служил на семипушечном военном шлюпе «Канандаигва», который принимал участие в блокаде Союзом Конфедерации. В день, когда Делонг заступил на службу в Бостонском адмиралтействе, где стояла «Канандаигва», он сделал кое-что забавное. Осматривая свою каюту на судне, Делонг заметил, что там только две койки, хотя мичманов обычно распределяли в каюты по четыре человека. Для двух других мичманов коек не было – или же предполагалось, что они будут болтаться в гамаках. Поэтому Делонг бесстрашно вошел в кабинет коменданта Бостонского адмиралтейства, величественного контр-адмирала Сайласа Стрингема, чтобы подать жалобу.

«Адмирал, – сказал он, – я мичман Делонг со шлюпа «Канандаигва». Сэр, я осмотрел свою каюту и пришел попросить, чтобы перед отплытием в ней установили еще две койки».

Адмирал Стрингем пронзил юного наглеца взглядом.

«Так вы мичман Делонг со шлюпа «Канандаигва»?»

«Да, сэр».

«Что ж, мичман Делонг со шлюпа «Канандаигва», советую вам вернуться на шлюп «Канандаигва» и радоваться, что в вашей каюте вообще есть койки».

Дисциплинированный Делонг последовал этому совету. Команда корабля посмеялась над его опрометчивостью, но шутка была сыграна не зря: незадолго до отплытия «Канандаигвы» на борт поднялись плотники, которые установили в каюте еще две койки. Адмиралу Стрингему понравилось предложение Делонга. Несколько лет спустя Стрингем и Делонг вместе посмеялись над этой историей.

За годы службы Делонг зарекомендовал себя как человек, который не боится беспокоить старших по званию, чтобы все было сделано как нужно. «Он добивался своего, – говорила Эмма, – потому что не стеснялся об этом просить».

Делонг 3 года плавал на «Канандаигве». В составе Европейской эскадры этот шлюп бороздил Северную Атлантику и Средиземное море, защищая американские интересы и поднимая флаг в портах Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. В июне 1868 года судно отправили во французский Гавр на ремонт. Оживленный порт со множеством пирсов, сухих доков и верфей, Гавр был приятным многонациональным городом, выстроенным возле места впадения Сены в Ла-Манш. Его окружали зеленые холмы Нормандии, которые обрывались отвесными утесами, возвышающимися над холодным морем.

24-летнему Делонгу дали увольнение, и он вместе с другими офицерами неделю кутил в Париже, а затем вернулся в Гавр. Там он был приглашен на ужин в дом успешного американского пароходного магната Джеймса Уоттона. Капитан Джимми, как его называли, частично владел Нью-Йоркской и Гаврской пароходными компаниями. У них с женой Маргарет была большая семья, они жили в стоявшем на высоком холме имении под названием «Берег», из которого открывался вид на суетливый портовый город и испещренный барашками волн Ла-Манш. Уоттонам нравилось приглашать к себе интересных людей, подавать вкусные блюда и устраивать танцы, они охотно развлекали американских флотских офицеров, которые приходили в порт. У них были бильярдная комната и большой бальный зал, где музыканты часто играли вальсы.

Тем вечером Делонг увлекся 17-летней дочерью Уоттонов Эммой. Хорошенькая, с большими умными глазами и роскошными каштановыми локонами, она казалась совсем юной и беззаботной. Эмма росла в Нью-Йорке и Гавре, получила хорошее образование во французском лицее и считала себя «состоявшейся юной леди». Делонгу она сразу же понравилась, поэтому, когда заиграли вальс, он подошел к ее бальной книжке и вписал свое имя на все свободные танцы. Эмма была заинтригована напористостью молодого офицера – он показался ей «эффектным, высоким и широкоплечим», но немного «агрессивным», как она заметила впоследствии. «Очевидно, он решил меня завоевать», – написала она.

Неделю спустя Уоттоны снова позвали гостей. В конце танца Делонг подвел Эмму к диванчику в центре зала и без предисловий попросил ее руки.

Эмма была поражена. «Мы ведь только познакомились!» – возразила она.

Юбки танцующих дам то и дело задевали Делонга по щекам, но он не обращал на это внимания. «У меня такое чувство, будто я знал вас всю жизнь, – сказал он. – Словно я лишь ждал, когда вы наконец появитесь».

Эмма не знала, как реагировать на его пыл. С одной стороны, он ей нравился. «Джордж Делонг постепенно нравился мне все больше, – писала она, – и я видела в нем множество качеств, которыми я восхищалась». Но его «необузданные чувства» пугали ее. «Пылкость его ухаживаний, – говорила она, – была неумолима». Когда вечер подошел к концу и Джордж ушел вместе с остальными офицерами «Канандаигвы», Эмма осталась в замешательстве. «Я не знала, что делать, – признавалась она. – Я совсем не понимала себя».

Тем временем корабельщики закончили ремонт «Канандаигвы». Через несколько дней военный шлюп должен был отплыть из Гавра и взять курс на Средиземное море. В отчаянии Делонг написал Эмме:

Джордж Делонг как раз был человеком действия, которого будоражили большие идеи. Неудивительно, что Арктика, несмотря на все тяготы и лишения, так сильно его увлекла.

«Поскольку мне, возможно, не удастся поговорить с вами наедине до отплытия, я отважусь попросить вас прочесть эти несколько слов... полагая, что вы примете их за предложение честного и любящего сердца. Я пишу в отчаянии. Я уплываю от вас и воздвигаю непреодолимый барьер между собой и всем, что мне дорого. Я не могу потерять вас без борьбы. Ради вас я готов на все».

Хотя Эмму тронуло это письмо, она на него не ответила. Она была решительно настроена не сдаваться под его натиском. Но за день до его отъезда она подарила ему прощальный подарок – собственноручно сшитый синий шелковый мешочек, в который она вложила локон своих волос и золотой крест, инкрустированный шестью жемчужинами. Этим жестом она удивила даже саму себя. «Мне не хотелось отпускать его с пустыми руками, – впоследствии написала она. – Любовь уже тогда шутила над той, которая считала себя непреклонной!»

Обрадовавшись ее подарку, Делонг обнял ее и впервые поцеловал. На следующий день «Канандаигва» вышла в море.

Несколько месяцев спустя Делонга перевели на другое судно, и он оказался в Нью-Йорке, где договорился встретиться с Джеймсом Уоттоном, который приехал в Соединенные Штаты

с деловым визитом. Делонгу хотелось официально попросить у мистера Уоттона руки его дочери.

Встреча началась на удивление хорошо. «Ваш отец говорил со мной тепло и любезно, возможно, даже более любезно, чем я того заслуживаю, – писал Делонг Эмме. – Он сказал, что любовь священна и в нее не пристало вмешиваться попусту, а потому, вообще говоря, эти вопросы должны решать сами заинтересованные стороны. Тем не менее родителям необходимо заботиться о детях и обеспечивать им счастливую жизнь».

Уоттон отказался дать разрешение на брак. Вместо этого он придумал испытание для Делонга. Того недавно повысили в звании до лейтенанта, и вскоре он должен был отправиться в очередное плавание – на этот раз на борту парового военного шлюпа «Ланкастер», который шел в Карибский бассейн, а затем в Южную Америку. Ожидалось, что обратно в Соединенные Штаты он вернется только через три года. Если по истечении этих трех лет Джордж и Эмма по-прежнему будут симпатизировать друг другу, Уоттон пообещал дать свое благословение.

Делонг был подавлен этим вынужденным испытательным сроком, но принял условие Уоттона и твердо решил доказать свои чувства. «Я решительно настроен, – писал он Эмме из Бразилии, – продолжать свои странствия. Я люблю вас всеми силами души и сердца и докажу, что достоин вас, или паду, пытаюсь».

В апатии тропиков памятный подарок Эммы весьма истрепался и стал печальным напоминанием об отсроченной любви. «Несчастный шелковый мешочек! – писал Делонг. – Соленая вода, соленый воздух и жара не пощадили его. Вы вряд ли узнаете его, когда увидите снова».

Прошел год, затем два. Делонг стоял на своем и продолжал долгое плавание по южноамериканским водам. Его корреспонденция с Эммой прервалась в 1870 году, когда прусская армия вторглась во Францию и осадила Париж. Франко-прусская война показала миру, как ужасна вражда в современном мире. Пять месяцев осажденные парижане питались крысами, собаками и кошками и связывались с внешним миром только посредством сообщений, отправляемых с почтовыми голубями или на воздушных шарах. Опасаясь, что Гавр тоже скоро падет, семья Уоттон набила несколько сундуков серебром и прочими ценностями, пересекла Ла-Манш и поселилась на острове Уайт.

В отсутствие новостей Джордж не понимал, почему его письма не доходят до Эммы. Из Рио-де-Жанейро он в отчаянии писал:

«Я ждал целый год, целый долгий год, но все зря. Я переоценил свои силы. Я постоянно угрюм и несчастлив, жизнь изо дня в день кажется мне тяжелой ношей. У меня нет цели, нет стремления. Меня спасет лишь весточка от вас».

К концу года опасения прусской осады развеялись, и Эмма с семьей переехала обратно в Гавр, где наконец смогла ответить на письма Джорджа. «Мне ужасно жаль, – писала она, – что вам приходится проходить через столь долгое испытание, которое причиняет вам столько боли. Я надеюсь лишь, что для вас еще не все потеряно. Прошу, считайте себя свободным от обязательств». Далее следовала несколько загадочная приписка: «С моей стороны ничего не изменилось».

Джордж оптимистично истолковал эту фразу как свидетельство того, что она до сих пор его любит и объявляет о завершении их долгого испытательного срока. Он был так уверен в своей трактовке, что через два дня взял увольнение и собрал саквояж, чтобы отправиться за 6 тысяч миль через Нью-Йорк в Гавр. Он отправил письмо, в котором описал свои намерения: наконец-то он ехал сделать ей официальное предложение.

Но истинные чувства Эммы были куда сложнее. Она восхищалась им – это правда – и не хотела, чтобы он и дальше страдал из-за нее. Но насчет брака она еще сомневалась. В основном ее пугала перспектива стать женой флотского офицера – и эти страхи подпитывал ее отец,

который сам в прошлом был капитаном парохода. Эмма не знала точно, вынесет ли она долгие отлучки мужа, краткие, полные сомнений встречи и годы гипотетического супружества. Ей казалось, что так она обрекает себя на постоянное ожидание.

Когда в феврале 1871 года Джордж прибыл в Гавр, на рейде стояли иностранные военные суда, которые охраняли граждан своих стран на случай, если прусские силы, все еще стоящие под Парижем, вдруг решат наступать на портовый город. Соединенные Штаты представлял военный шлюп «Шенандоа», на котором служили многие знакомые Делонгу офицеры. Уоттоны пригласили Делонга остановиться в гостевой комнате их особняка в имении «Берег». Увидев Эмму, Джордж потянулся к карману жилета, вытащил оттуда изящное кольцо с бриллиантом и надел его ей на палец. «Я растаяла от этого жеста, – написала она, – и все же была в смятении. Я никак не могла решиться».

Несколько недель Делонг с упоением ухаживал за Эммой. Им многое нужно было наверстать, несмотря на более чем два года пылкой переписки, молодые влюбленные были друг другу почти чужими. Днем Джордж и Эмма прогуливались по пристани, а вечерами Уоттоны устраивали обычные ужины и балы. Эмма взглянула на Джорджа другими глазами. «Я быстро влюблялась в него, – писала она. – Чем лучше я его узнавала, тем больше он мне нравился». Она почувствовала в нем «любовь к приключениям» и в то же время «безупречное благородство». С течением времени она начала понимать его «настойчивые ухаживания и осознала, что он сразу же понял, что они созданы друг для друга. Она нашла спутника жизни, который мог сделать ее совершенно счастливой».

Свадьбу назначили на 1 марта. Невеста не могла надеть белое платье – из-за войны в Гавр не поставляли белый шелк и атлас, поэтому Эмме пришлось импровизировать. С местом свадьбы тоже возникли сложности. Во Франции при женитьбе оформлялся гражданско-правовой договор, но в Гавре не было ни одного чиновника, имеющего право провести церемонию, поскольку все они были в Париже, где как раз шли переговоры о мире. И все же решение нашлось: стоящий на якоре шлюп «Шенандоа» технически считался территорией США. Свадьбу можно было сыграть на палубе. Лейтенанту ВМС, который берет в жены девушку из семьи пароходного магната, казалось весьма логичным жениться на борту корабля.

Вечером 1 марта 1871 года шлюп «Шенандоа» украсили яркими флагами и китайскими фонариками. Гости в вечерних платьях и морской форме на пристани ожидали спущенных на воду шлюпок. Когда все собрались, на палубу вышли жених и невеста. Церемонию провел священник с решительно американским именем Джордж Вашингтон. Ровно в десять часов, когда Джорджа и Эмму объявили мужем и женой, ликование гостей эхом разнеслось над темной гаванью.

Глава 5

Врата полюса

Вернувшись из Гренландии, Джордж Делонг поставил перед собой задачу, которая была основана на великой и заманчивой идее, развивавшейся не один век. В этой идее крылись тонкая симметрия и удивительная привлекательность. Делонг, который прочитал об Арктике все, что мог, знал эту идею во всех подробностях: он знал имена всех исследователей, которые проверяли ее, и всех мыслителей, которые размышляли о скрытых в ней возможностях. Делонг так убежденно верил в эту идею, что готов был ради нее рискнуть своей карьерой и даже жизнью, понимая, что, если у него получится вывести ее из теоретической плоскости в мир фактов, его сочтут одним из величайших исследователей всех времен.

Идея, которой придерживались ведущие мировые ученые и географы, сводилась к следующему: на Северном полюсе не так уж холодно, особенно летом. Наоборот, купол мира покрыт неглубоким, теплым, свободным ото льда морем, воды которого пригодны для судоходства так же, как и воды Карибского или Средиземного морей. Этот теплый арктический водоем кишел морской фауной и, вполне вероятно, был домом потерянной цивилизации. Картографы были так уверены в его существовании, что неизменно изображали его на картах, безапелляционно называя верхушку мира открытым полярным морем.

Опубликованная в 1595 году прекрасная, пусть и полностью гипотетическая, карта Арктики Герарда Меркатора изображала свободное ото льда полярное море, которое было окружено гористой сушей, но при этом свободно сообщалось с Атлантическим и Тихим океанами посредством четырех симметрично расположенных речных протоков. Датированная концом XVIII века, карта Эмануэля Боуэна называла этот свободный ото льда водоем Северным океаном. В XIX веке Британское адмиралтейство выпустило целый ряд карт, которые показывали в основном свободное ото льда море, то же самое изображалось и на планах ВМС США.

Никто никогда не видел это фантастическое открытое полярное море, но это как будто было не важно. В какой-то момент идея стала жить своей жизнью. Зафиксированная на картах, она укоренилась в сознании людей. Подобно Атлантиде и Эльдorado, она представляла собой прекрасный образ, основанный на легендах, слухах и жалких обрывках информации. Постепенно, год за годом, ученые и мыслители все тверже уверялись в возможности, вероятности и наконец в определенности этой химеры. Никакие противоречащие этому свидетельства не могли вытеснить этот образ из коллективного воображения.

Для объяснения существования открытого полярного моря выдвигалось множество невероятных идей. Одни утверждали, что оно появилось из-за бурления при вращении Земли. Другие говорили, что оно сформировалось из-за потоков горячего воздуха или из-за экстремальной концентрации солнечных лучей на полюсах. Третьи настаивали, что круглосуточных солнечных ванн в течение шести месяцев более чем достаточно, чтобы на полюсе не образовывался лед. Кроме того, многие ученые того времени считали, что глубокие соленые водоемы *не замерзают* и лед формируется лишь на мелководье, недалеко от береговых линий, а следовательно, полярное море обязательно должно быть открытым. Эти объяснения казались несколько отчаянными – это было все равно что доказывать существование Бога, обращаясь к сложным теологическим аргументам. Поразительно, сколько энергии на протяжении веков было потрачено на попытки объяснить гипотетическую реальность, которую никто и никогда не видел.

Стоит отметить, что были и те, кто скептически относился к теории открытого полярного моря. Когда на сцене появился Делонг, громче всех идею критиковал секретарь Королевского географического общества сэр Клементс Маркем. В работе «На подступах к неизведанному региону» Маркем назвал открытое полярное море «пагубной» идеей и подчеркнул,

что она причинила «немало вреда продвижению открытий и прогрессу рациональной географии». Аргументы в поддержку открытого полярного моря были, по мнению Маркема, «так очевидно неправдоподобны, что остается только гадать, как хоть один разумный человек может им верить». Однако критику Маркема почти никто не поддерживал, ведь открытое полярное море к этому времени стало коллективной одержимостью, своего рода идеей фикс, возбуждавшей фантазию людей. Она *не могла* не оказаться верной.

С самого начала арктических исследований каждое плавание на север заканчивалось одинаково: корабль затирало во льдах, обычно где-то в районе 80-й параллели. Но теория открытого полярного моря гласила, что этот арктический ледяной барьер представляет собой просто кольцо, которое окружало обширный тепловодный бассейн – иногда это кольцо называли «корсетом», «венцом» или «ледяным поясом». Предполагалось, что, преодолев это ледяное кольцо, желательнее на корабле с усиленным корпусом, исследователь окажется в открытом море и без проблем доплывет до Северного полюса. Нужно было лишь найти зазор во льдах, то место, где лед тоньше и больше напоминает снежную кашу, своего рода естественный портал на полюс.

Именно этот портал и намеревался разыскать Джордж Делонг – и для этого ему нужны были лучшие карты, передовое оборудование и новейшие идеи в сфере океанографии, метеорологии и навигации.

На Делонга сильно повлияла длинная статья, которая в ноябре 1869 года была опубликована в «Путнемовском журнале». Статья была маняще озаглавлена «Порталы к полюсу» и описывала все аргументы в поддержку существования открытого полярного моря, а затем предлагала верный метод определения проходимого пути к этим мифическим теплым водам. «Есть основания полагать, – гласила статья, – что ответ на опасный вопрос касательно пути к полюсу наконец найден».

В статье излагались мысли знаменитого флотского офицера Сайласа Бента. Капитан Бент большую часть жизни бороздил Тихий океан и проводил сложнейшие гидрографические исследования для американского флота. В 1852 году Бент участвовал в историческом плавании commodora Мэттью Перри в Японию и особенно заинтересовался сильным течением Куроисио, своеобразным тихоокеанским аналогом атлантического Гольфстрима.

Хотя японские, корейские и китайские рыбаки веками знали о существовании Куроисио, официально это мощное течение не изучалось, пока Бент не обратил на него внимания. Куроисио (в переводе с японского – «черное течение») поднималось из тропических вод мимо острова Формоза и Японии и уходило в открытый Тихий океан. Подобно Гольфстриму, течение было теплым, а потому представляло собой своеобразный конвейер для питательных элементов, планктона, криля и другой пищи, поглощаемой морскими млекопитающими северной части Тихого океана. В открытом океане течение служило четкой демаркационной линией – оно характеризовалось очень темным, иссиня-черным цветом, который несколько пугал моряков. Течение шло строго на север, будучи прохладной рекой в холодном море. Казалось, оно ведет прямо в Берингов пролив.

Ученые спорили о том, куда именно уходит Куроисио, но у Бента на этот счет было собственное мнение. Он не сомневался, что оно втекает в Берингов пролив, уходит под арктический лед и достигает открытого полярного моря. Бент полагал, что со стороны Атлантики примерно так же ведет себя Гольфстрим, который огибает Норвегию и уходит на северо-восток. (На самом деле Гольфстрим достаточно силен, чтобы русский порт Мурманск не замерзал круглый год.) Бент считал, что севернее Гольфстрим скрывается под арктической ледовой шапкой.

Именно слияние этих мощных океанических течений, по мнению Бента, и позволяло открытому полярному морю оставаться теплым и свободным ото льда. Бенту казалось, что Куроисио и Гольфстрим иллюстрируют изящную планетарную симметрию и представляют

собой две ветви массивной распределительной системы, которая переносит тепло из тропиков в северные регионы, из тропического пояса в антарктический. Земля, согласно Бенту, представляла собой сложный организм с уникальной системой циркуляции.

Бент писал: «Воздух постоянно циркулирует; циркулирует кровь в организмах животных; циркулирует вода в океанах – и все это регулируется непреложными законами, которым природа подчиняется при любых условиях и в любом состоянии. Море, атмосфера и солнце для земли – все равно что кровь, легкие и сердце для животного организма. Природе свойственно равновесие». Куроисио и Гольфстрим, по мнению Бента, текли в северном направлении, «подобно перегоняемой сердцем крови в животном организме, и разносили жизненно необходимое тепло и питательные вещества по пути к земным полюсам».

Статья в «Путнемовском журнале» гласила, что вместе Куроисио и Гольфстрим создавали достаточное тепловое влияние, чтобы «разрушить климат» определенных районов Арктики: «Проистекая из тропиков и вооружаясь там потенциальной энергией солнечного тепла, они и только они проникают сквозь полярный лед и прокладывают дорогу к самому Северному полюсу». Бент предлагал интересную идею: если его теория верна, для достижения верхушки мира путешественнику лучше полагаться на термометр, а не на компас.

Идеи Сайласа Бента, в свою очередь, во многом основывались на работе видного американского океанографа, астронома и метеоролога Мэтью Фонтейна Мори, служившего в Военно-морской обсерватории США. Мори, которого прозвали Морским Следопытом, возглавлял масштабные исследования ветров и течений и собрал огромное количество данных, которые свел в подробнейшие таблицы и схемы, изучаемые по сей день.

Вместе с комиссаром исследования береговой линии и геодезии США Александром Далласом Бейчем Мори входил в число непоколебимых сторонников теории открытого полярного моря. Во многом вера Мори в его существование была основана на смехотворных свидетельствах: плавающий лес из сибирских рек прибывало к берегам Гренландии. Китобои в Арктике сообщали, что осенью большие стаи птиц мигрируют на север, за бескрайние ледовые поля. Российские исследователи свидетельствовали о том, что в ледяной шапке к северу от сибирских берегов существуют крупные участки открытого моря, которые они называли полыньями. (Мори замечал, что в период с мая по июль обширная область открытой воды формируется и в северной части моря Баффина, к западу от Гренландии. Впервые она была описана в начале XVII века и в среде китобоев называлась просто Северной водой.)

В своем капитальном труде «Физическая география моря» Мори описал гренландского кита, которого поймали в районе Берингова пролива. В теле кита застрял старый гарпун с названием судна, которое вело промысел только возле Гренландии. Этот раненый кит каким-то образом проплыл из Северной Атлантики в северную часть Тихого океана. Как это вообще возможно?

Бент предлагал интересную идею: если его теория верна, для достижения верхушки мира путешественнику лучше полагаться на термометр, а не на компас.

«Известно, что такие киты не могут проходить большие расстояния подо льдом», – точно отметил Мори. Кит также не мог и обогнуть мыс Горн и затем подняться по Тихому океану до Берингова пролива. «Тропические области океана, – писал Мори, – для гренландского кита сравнимы с морем огня, миновать которое ему не под силу и куда он никогда не заплывает».

Насколько мог судить Мори, поимка этого кита в районе Берингова пролива представляла собой «неопровержимое доказательство существования – хотя бы временного – открытого водного пути через арктическое море с одной стороны континента на другую».

Мори был едва ли не одержим открытым полярным морем, и эта одержимость казалась тесно связанной с его интересом к другому важному океаническому явлению, которое он долго изучал, а именно – к Гольфстриму. В то время Мори гораздо лучше других знал ширину течения, его скорость, силу и тепловые свойства. Говоря о Гольфстриме, этот мастер таблиц и диаграмм не чурался поэтических сравнений. «По океану течет река, – писал Мори в «Физической географии моря». – Она берет начало в Мексиканском заливе и впадает в арктическое море. Нет в мире другого столь волшебного потока. Он течет быстрее Миссисипи и Амазонки и переносит в тысячу раз больше вод. У берегов Каролины его воды темнеют глубокой синевой. Они так хорошо различимы, что их граница с обычной морской водой видна даже невооруженным глазом».

Сайлас Бент полагал, что его Куроисио столь же сильно, как Гольфстрим Мори. «Они почти идентичны по объему, скорости течения и прочим измерениям», – замечал он в своей статье. Сравнимы были также их соленость, температура и влияние на климат. Бент предполагал, что Куроисио даже более сильно, поскольку Тихий океан существенно больше Атлантического. Именно поэтому он полагал, что двинуться к полюсу стоит через Берингов пролив – прежде еще никто не пробовал такой угол атаки.

Теории Сайласа Бента и Мэтью Фонтейна Мори хотя и поддерживались наукой того времени, все же во многом основывались на мифах, легендах и верованиях. Различные вариации теории открытого полярного моря существовали еще в доисторические времена. Представление о безопасном, теплом месте в высшей точке земного шара – оазисе в пустыне льда, настоящей полярной утопии – словно бы укоренилось в глубине человеческого сознания.

Викинги рассказывали о земле на северном краю света, которую порой называли Ultima Thule, где океаны водопадом обрушивались в бездонную пропасть, питающую все реки и источники мира. Греки полагали, что на севере находится Гиперборея – страна вечной весны, где никогда не заходит солнце. Считалось, что Гиперборею омывают воды могучей реки Океанос и окружают Рифейские горы, где обитают грифоны – диковинные наполовину львы, наполовину орлы. Представление о том, что на Северном полюсе живет святой Николай – он же Крис Крингл или Санта-Клаус, – появилось гораздо позже. Самое раннее свидетельство о полярном пристанище Санта-Клауса содержится в карикатурах Томаса Наста, опубликованных в 1866 году в журнале «Харперс уикли»: художник подписал серию рождественских рисунков «Санта-Клаусвилль, С. П.». И все же стоящая за шуткой Наста идея о теплом, уютном, благодатном, пригодном для жизни крае на вершине мира уходила корнями в глубокую древность и весь XIX век подпитывала американское увлечение Северным полюсом.

Целый ряд ученых на первых порах полагал, что на полюсах находятся громадные вихри или отдушины, из которых и распространяются огромные объемы термальной и электромагнитной энергии. Ньютон постулировал, что планета представляет собой сфероид, приплюснутый на полюсах, а если это действительно так, полярные земли и моря находились ближе к теплему ядру земли и могли характеризоваться умеренным климатом. Британский астроном XVIII века Эдмунд Галлей, прославившийся вычислением орбиты кометы, названной его именем, полагал, что Земля внутри полая, содержит в себе светящиеся газы и служит домом для множества животных и даже расы людей. Галлей считал, что земная кора на полюсах так тонка, что излучающиеся газы проникают сквозь нее в атмосферу – этим он объяснял эффект северного сияния.

Существование множества теорий о свободном ото льда полярном море объяснялось практическим желанием: прямой путь через полюс сулил огромные коммерческие выгоды.

Веками британцы и голландцы с особенным рвением пытались разыскать северный проход в Азию, который позволил бы им успешнее конкурировать с испанцами и португальцами, практически монополизировавшими южные морские пути вокруг мыса Горн и мыса Доброй Надежды. В итоге в XVI и XVII веках поиски свободного ото льда северного прохода превратились в священный грааль мореходов. Наряду с другими ведущими исследователями Виллем Баренц и Генри Гудзон поверили в вариации теории открытого полярного моря, хотя в своих дальних странствиях никогда не находили исчерпывающих свидетельств его существования.

Одним из первых и наиболее упорных сторонников теории открытого полярного моря был английский юрист и натуралист XVIII века Дэйнс Баррингтон. Аргументы Баррингтона были в лучшем случае сомнительными – казалось, они основывались, по большей части, на восходящей к XVII веку небылице, рассказанной в одной амстердамской таверне, где голландский китобой утверждал, что однажды доплыл до Северного полюса и вернулся обратно по «открытому и свободному морю» при «прекрасной теплой погоде, какая стоит в Амстердаме летом». По мнению Баррингтона, это доказывало, что Арктика, по крайней мере, в определенное время года свободна ото льда и судоходна, в связи с чем он без устали просил правительство снарядить экспедицию на Северный полюс.

В течение следующих полутора веков идею Баррингтона подхватывало множество скитальцев, исследователей, ученых, псевдоученых и форменных чудаков. В 1820-х годах большой оригинал из Огайо по имени Джон Кливз Симмс-младший исколесил всю Америку, утверждая, что на Северном и Южном полюсах находятся огромные провалы в земле, которые соединяются с сетью подземных полостей, где, возможно, есть жизнь. Ученые подняли его на смех, однако его идея о «провалах на полюсах», изложенная в ставшей бестселлером книге «Теория Симмса о концентрических сферах», понравилась публике и в итоге в 1836 году помогла надавить на конгресс, чтобы добиться выделения 300 000 долларов на отважное плавание к Южному полюсу.

Спустя два года Эдгар Аллан По, очевидно пребывая под влиянием теорий Симмса о полой земле, опубликовал странную фантастическую «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима из Нантакета». В произведении По главный герой плывет в неисследованные антарктические области и минует ледовый барьер, а затем оказывается в теплом полярном море, где находит остров, населенный исчезнувшей человеческой расой.

И все же в XIX веке внимание теоретиков открытого полярного моря и литераторов в основном было приковано к Арктике. Самым неутомимым сторонником теории был второй секретарь Британского адмиралтейства сэр Джон Барроу. В первой половине XIX столетия Барроу отправил множество экспедиций в омывающие Гренландию и Баффинову Землю моря, чтобы доказать существование открытого полярного моря или хотя бы отыскать свободный летом ото льда морской путь – Северо-Западный проход – вдоль северных берегов Канады в Тихий океан.

Самым крупным и знаменитым плаванием, поддержанным Барроу, стала экспедиция Франклина 1845 года. Капитан Джон Франклин отплыл из Англии на двух прекрасно оснащенных судах «Террор» и «Эребус». Сделав несколько остановок у берегов Гренландии, Франклин с командой – всего 129 человек – отправились в неизвестность. Больше о них не слышали. Хотя в конце 1840-х и начале 1850-х годов предпринималось несколько спасательных экспедиций, судьба Франклина оставалась загадкой и многие десятилетия будоражила умы мировой общественности. Одной из основных идей было предположение, что Франклин с командой до сих пор плавают по открытому полярному морю, не в силах найти выход.

В 1853 году отчаянный американский путешественник Илайша Кент Кейн снарядил экспедицию с двойной целью – спасти Франклина и найти открытое полярное море. На следующий год, поднимаясь вдоль северо-западного побережья Гренландии, участники экспедиции

Кейна обнаружили, как им показалось, открытый океан. На самом деле перед ними была всего лишь небольшая сезонная полынья во льду, но Кейн не сомневался, что его команда совершила грандиозное открытие.

«В этом открытом море резвились тюлени и питались водоплавающие птицы, – впоследствии писал он. – Его размеренные волны разбивались о берег, подобно волшебным валам древнего океана. Одиночество, холодный и бескрайний простор и таинственное колыхание зеленых вод добавляли очарования пейзажу». Кейн утверждал, что при взгляде на открытое полярное море «все испытали сильнейший прилив чувств... Уверен, среди нас не было человека, который бы не пожелал войти в его сияющие и одинокие воды». На основании отчетов экспедиции Кейна были опубликованы новые карты, где на Северном полюсе недвусмысленно жирными буквами было написано: «Открытое море».

В 1860 году другой американский путешественник доктор Айзек Израэль Хейс возглавил арктическую экспедицию к берегам острова Элсмир, где ему тоже показалось, что он видит открытое полярное море Кейна. «Море на Северном полюсе, – сообщал Хейс, – должно быть, лежит внутри ледового пояса, заключающего его в кольцо». Но когда Хейс вернулся в Соединенные Штаты, вспыхнула Гражданская война, поэтому его рассказами никто не заинтересовался.

Теория открытого полярного моря на время отошла на второй план, однако идея о полой земле с отверстиями в Арктике получила еще большее распространение после публикации в 1864 году фантастического романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». Главный герой романа, немецкий профессор Отто Лиденброк, спускается в кратер спящего вулкана в Исландии и вскоре оказывается в теплом подземном море, берега которого населяют мастодонты и гигантские протолюди, напоминающие недостающее звено эволюции. В литературе полярное море переместилось под землю.

После Гражданской войны интерес американской общественности к этой теории быстро разгорелся снова. Чарльз Фрэнсис Холл едва ли не исступленно верил в существование открытого полярного моря, однако безнадежный провал его экспедиции заставил многих усомниться, стоит ли рисковать еще большим количеством жизней и кораблей в погоне за абстрактной химерой. Теории Сайласа Бента, однако, вдохнули в этот спор новую жизнь: может, открытое полярное море все-таки существовало. Может, просто путешественники вроде Холла выбирали неправильный маршрут и встречались со льдом в неудачном месте. Они не понимали, что мощные теплые течения могли избавить их от грязной работы.

Поэтому после появления теории Бента многовековой одержимости открытым полярным морем дали последний шанс. Гипотезам Бента недоставало лишь молодого путешественника, готового их подтвердить или опровергнуть.

Бент написал письмо президенту Американского географического общества в Нью-Йорке (цитируемое в «Путнемовском журнале») и изложил в нем свою точку зрения. По его мнению, Гольфстрим и Куроисио были «единственными проходимыми путями», по которым корабли могут достичь открытого полярного моря и доплыть до Северного полюса. Будущему путешественнику просто необходимо было следовать вдоль одного из этих течений до самого льда, который окажется мягким и тонким из-за постоянно пульсирующего тепла тропической морской реки. Этот талый портал приведет корабли прямо в открытое полярное море. Бент даже дал этому гипотетическому порталу интересное имя: он назвал его термометрическими вратами полюса.

Идея о полой земле с отверстиями в Арктике получила еще большее распространение после публикации в 1864 году фантастического романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли».

«Путнемовский журнал» с восхищением заявил, что «великий ум наконец преуспел в решении полярной проблемы». Статья призывала молодых людей вроде Делонга доказать верность идей Бента. «Эта глубокая и прекрасная гипотеза пока не может похвастаться поддержкой авторитетных ученых и исследователей Арктики. Некоторое время ей, возможно, придется полагаться лишь на научные выкладки и весомость математических расчетов».

Однако, в конце концов, найдется храбрец, найдется арктический герой, который отважится отыскать «термометрические врата» и устремится к полярному Граалю. Награда была как никогда щедрa, а ставки – высоки. «Кто возьмется утверждать, – заключала путнемовская статья, – что внутри арктического кольца не найдется следов человека – не найдется осколка нашей расы, принесенного туда мощными течениями, о которых мы уже наслышаны? Как знать, может, эти люди с радостью примут моряка, обнаружившего их, и среди них окажется избранник божий?»

Часть II

Национальный гений

Глава 6

Двигатель мира

В первую неделю июля 1876 года, когда отмечался столетний юбилей Америки, внимание страны было приковано к Филадельфии. Дело не только в том, что именно в Городе братской любви веком ранее подписали Декларацию независимости, но и в том, что там как раз проводилась Всемирная выставка, которая в ту знойную неделю привлекала в Филадельфию сотни тысяч посетителей со всего света. В выставке принимали участие 37 стран, которые представляли свои достижения на огромной площади в парке Фэйрмонт по другую сторону реки Скул-килл от центра Филадельфии. Это была первая Всемирная выставка, проходившая в США. К концу лета около 30 000 экспонатов, представленных в 250 павильонах и залах выставки, осмотрело почти 10 миллионов человек. Площадь выставки была столь обширна, что для перемещения между двумя наиболее популярными зданиями использовалась специально разработанная надземная рельсовая система – прообраз монорельса.

Зрители хотели посмотреть на диковинные изобретения и не были разочарованы. Среди множества новинок выставлялись печатная машинка «Ремингтон», сложный струнный аппарат, называемый вычислительной машиной, и любопытное приспособление, которое бородастый шотландец Александр Грэхем Белл называл «телефоном». (Белл читал монолог Гамлета в одном конце зала, а посетители на другом конце ясно слышали его голос из небольшого динамика. «Боже, эта штука разговаривает!» – воскликнул один именитый гость, император Бразилии Педру II.)

Все лето выставка была у всех на устах. Джеймс Гордон Беннетт лично посетил ее несколько раз и распорядился, чтобы его лучшие репортеры не покидали Филадельфии и сообщали о визитах видных людей со всего мира – лордов и монархов, писателей и художников, ученых и железнодорожных магнатов. В «Геральд» каждый день печатались статьи о Всемирной выставке, более того, Беннетт устроил так, чтобы тысячи экземпляров газеты печатались на огромном станке прямо на территории выставки. По павильонам бродили молодые предприниматели вроде Джорджа Вестингауза и Джорджа Истмена, искавшие новые идеи, которые можно было совместить с другими идеями. Там был и двадцатидевятилетний Томас Эдисон, демонстрировавший странное маленькое устройство – созданную им электрическую ручку. Другой блестящий американский изобретатель Мозес Фармер привлекал зрителей своей электрической динамо-машиной, с помощью которой он питал несколько искусственных огней – так называемых дуговых ламп, – ярко сверкавших в темноте.

Были на выставке и другие диковины. В японском павильоне всем желающим показывали невероятно быстро растущую лиану кудзу, о которой в западном мире еще не слышали. Кроме того, посетители могли посмотреть скульптуры Родена, послушать самый большой в мире орган и полюбоваться на гигантский факел статуи Свободы работы Фредерика Огюста Бартольди (остальная часть статуи была еще в процессе создания во Франции). Именно там, на Всемирной выставке, американской публике представили новую приправу – кетчуп «Хайнц», шипучий напиток из коры дерева сассафрас, продававшийся под маркой «Корневое пиво Хайрс», и удивительный тропический фрукт, который подавали в фольге и с вилкой и называли бананом.

Однако самым популярным аттракционом выставки стал машинный зал – сводчатый, похожий на теплицу ангар, занимавший 14 акров, что в три раза больше площади собора Святого Петра в Ватикане. Этот зал был храмом всевозможных машин, в нем гудели, жужжали и ревели бесчисленные насосы, турбины, генераторы, станки, пилы и новые хитроумные инструменты. По обеим сторонам проходов стояли изобретения – в основном американские, в массе своей прорывные. Там был, к примеру, аммиачный компрессор Лайна – Вольфа, служивший для изготовления льда. Там был и двигатель Брайтона, представлявший собой практический прототип двигателя внутреннего сгорания. Там были и трехтонные маятниковые часы, произведенные Сетом Томасом, 26 других часов, расставленных по залу. Там были новые локомотивные тормоза, новые лифты и усовершенствованные ротационные аппараты.

Но самым удивительным в машинном зале был огромный двигатель, питавший все остальное. Большой центральный двигатель, который порой называли всемирным паровым двигателем, был самым крупным двигателем в мире и весил более 650 тонн. Его сконструировал блестящий американский инженер Джордж Корлисс. Посредством сети подземных шахт общей протяженностью около мили он питал паровой энергией более тысячи меньших машин, выставленных в зале.

В день открытия ярмарки в мае президент Улисс Грант в присутствии более 150 000 человек потянул за рычаг и запустил эту громадину. Ожив, огромный двигатель заурчал, и, казалось, что это урчание исходит из самого нутра механизма. Корреспондент журнала «Сайнтифик Американ» назвал это урчание «тихим мурлыканьем... своего рода механической музыкой». В сравнении с необъятной машиной, президент казался карликом. Высотой с пятиэтажный дом двигатель был установлен на платформе в центре просторного зала и напоминал живую скульптуру с двигающимися руками, дрожащими рычагами и зубчатыми шестеренками. Один только его маховик, вращающийся с постоянной скоростью 36 оборотов в минуту, весил 56 тонн.

Летом Большой центральный двигатель полюбился посетителям и постепенно превратился в символ выставки. Как замечал «Сайнтифик Американ», он был ее «огромным пульсирующим железным сердцем». Когда машинный зал посетил Уолт Уитмен, он сел перед изящным гигантом и полчаса смотрел на него, не произнося ни слова. Писатель Уильям Дин Хоуэллс назвал его «стальным атлетом» и заметил, что именно в таких машинах «громче всего слышен голос национального гения».

В статье для «Атлантик мансли» Хоуэллс описал, как «мощные балансиры толкают вниз поршни, огромный маховик вращается с такой силой, что все вокруг дрожит, а сотни живых деталей делают свою работу с неукоснительной точностью». Механизм начищенного колосса был таким совершенным, что он функционировал почти без вмешательства человека. «Внутри этого невероятно могучего двигателя, – писал Хоуэллс, – установлен стул, на котором сидит механик и спокойно читает газету, словно покачиваясь в кресле у себя дома. Время от времени он откладывает газету, поднимается по одной из лестниц, огибающих механизм, и смазывает маслом особенно нагруженный участок гигантского тела, после чего спускается и снова раскрывает газету».

Посетители из других стран были поражены технологической мощью, представленной в машинном зале, и особенно двигателем Корлисса. Америка не стояла на месте, в ней кипела новая энергия и расцветал туземный талант. Появлялся американский стиль промышленного производства, который основывался на автоматизации, использовании взаимозаменяемых частей и машинного производства машин, питавших другие машины. Лондонская «Таймс» восторгалась: «Американец изобретает так, как грек вытачивал скульптуру, а итальянец рисовал: в нем чувствуется гений». В сообщениях других английских наблюдателей чувствуется тихое отчаяние. «Если сейчас, в 1876 году, сравнить нас с американцами, – писал выдающийся британский инженер Джон Андерсон в официальном отчете о Всемирной

выставке, – останется только признать... что мы лишаемся бывшего лидерства, поскольку оно переходит к американцам».

В жаркую июльскую неделю одним из самых примечательных гостей Всемирной выставки стал немецкий профессор Август Петерман. Хотя Петермана можно было назвать самым знаменитым и самым уважаемым географом в мире, он мало путешествовал и жил затворником. В Америке он никогда прежде не бывал. Предприняв круиз вдоль восточного побережья США, он на десять дней остановился в Филадельфии, осмотрел павильоны выставки и был восхищен увиденным. Всемирная выставка показалась ему «великим достижением, затмившим все предыдущие выставки в Европе. Здесь стало ясно, каково положение Соединенных Штатов в мировой культуре».

Доктор Август Генрих Петерман был угрюмым и необщительным человеком. Обладатель окладистой бороды и маленьких рук, он носил очки в тонкой оправе, строгий фрак, шелковый жилет и галстук. В свои 54 года он смотрел вокруг острым взглядом ювелира, а двигался и разговаривал с пугающей многих аккуратностью. Человек энциклопедических познаний, воспитанный в гумбольдтовской традиции, он мог аргументированно обсуждать практически любой вопрос мировой науки. Однако за внешней холодностью Петермана скрывалась некоторая вспыльчивость; его давно мучили приступы маниакальной депрессии. Порой на его лице отражались тоскливая сентиментальность, глубокая меланхолия, мировая скорбь. Он постоянно вступал в споры, причем его убежденность в своей правоте нередко подкреплялась маленьким револьвером, который он носил в кармане жилета. Петерман безупречно говорил по-английски с легким британским акцентом, поскольку много лет прожил в Лондоне, где был влиятельным, хотя и скандальным членом Королевского географического общества. Он работал в Королевской обсерватории в Гринвиче и недолго служил «физическим географом и резчиком по камню» при дворе самой королевы Виктории.

В 1850-х годах Петерман вернулся в родную Тюрингию в лесистом сердце Германии. Именно там, в тихом средневековом городке под названием Гота, он и создал географический институт, который стал издавать самые подробные и красивые карты на свете. Его предприятие работало как часы и быстро заслужило уважение ученых и путешественников со всего мира. Помимо прочего он был редактором влиятельного ежемесячного журнала «Географические известия Петермана», в котором публиковались новейшие карты и статьи о передовых областях исследований. Мудрец из Готы, как зачастую называли Петермана, считался одним из лучших в мире «картографов-теоретиков». Не стоит и говорить, что его чрезвычайно интересовали немногочисленные белые пятна, по-прежнему остававшиеся на картах мира, еще не описанные места, где до сих пор не ступала нога человека. Он считал своим профессиональным и личным долгом постепенно заполнить эти белые пятна. Петерман взял в привычку систематически опрашивать путешественников, которые только вернулись, скажем, из африканского буша или австралийского аутбэка, соотнося их отчеты с составленными на месте планами, Петерман вместе со своей армией картографов наполнял белые пятна немного большим количеством деталей. Видный британский картограф Джон Бартоломью так описал страсть Петермана к *terra incognita*: «Он был так увлечен заполнением белых пятен на своих картах, что казалось, ему нет покоя, пока на свете остаются неизведанные земли».

Никакое другое место не интересовало Петермана так, как Арктика. И в Англии, и в Германии он десятилетиями пропагандировал арктические исследования. Он написал на эту тему десятки академических трактатов и сказал бесчисленное множество речей. Он полагал, что без изучения Северного полюса не понять функционирование планеты – все течения, ветра, системы теплового регулирования, подземные бурления, геомагнитные колебания. Полюс был важнейшим элементом, ключом к решению более сложных проблем. «Без знания о Северном полюсе, – писал он, – все географическое знание остается фрагментарным».

Петерман был, вероятно, самым яростным и непоколебимым сторонником теории открытого полярного моря. Он не сомневался, что за движущимся «поясом» арктического льда путешественники обнаружат «полярный бассейн», наполненный относительно теплой водой. Выпускаемые его компанией карты изображали полюс свободным ото льда. «Лед образует движущийся пояс, с полярной стороны которого находится более или менее свободное ото льда море, – утверждал он. – Пробившись сквозь этот пояс, корабли обнаружат на более высоких широтах и самом полюсе судоходное море». Нужно было лишь найти удобный путь, подходящий проход сквозь лед. Достичь полюса, по мнению Петермана, будет «очень легко. В теплое время года подходящий пароход доберется до Северного полюса и вернется обратно за два-три месяца».

Никакое другое место не интересовало Петермана так, как Арктика. И в Англии, и в Германии он десятилетиями пропагандировал арктические исследования.

Петерман верил, что паровые двигатели сыграют значительную роль в достижении полярного бассейна. Он считал, что, в конце концов, прорывные технологии приведут к созданию достаточно мощного и эффективного двигателя, чтобы отправить судно в скрывающееся за ледовым поясом открытое полярное море. Поэтому Петермана так поразила сила и точность механизмов, представленных в машинном зале. Гул Всемирного парового двигателя Джорджа Корлисса был музыкой для ушей немецкого профессора. Казалось, у американцев теперь были технологии, чтобы изготовить двигатель, который доставит человечество на Северный полюс.

Когда речь зашла об Арктике, Петерман махнул рукой на британцев. Английские путешественники отказывались верить его теориям и упрямо пытались проникнуть в Арктику вдоль западного побережья Гренландии, неизбежно встречаясь с опасностями и трудностями, которые он без труда мог предсказать. В последние годы Петерман связывал свои арктические надежды с собственной недавно объединенной нацией. В 1868 году, а затем и в 1869-м он лично организовал и обеспечил две крупные немецкие экспедиции, пытавшиеся достичь полюса, поднимаясь вдоль восточного побережья Гренландии – Петерман полагал, что этот путь позволит им гораздо проще попасть в «полярный бассейн». Сам Петерман не принимал участия в плаваниях: он предпочитал руководить одиссеей, не выходя из своего кабинета на вилле в Готе.

Две немецкие экспедиции даже ценой титанических усилий не смогли добиться значительного успеха. И все же Петерман призывал своих соотечественников не оставлять попыток пробиться в Арктику. Однако к началу 1870-х годов стесненная в средствах Германия стала опасаться затрат и рисков арктических путешествий.

Проведя неделю на Всемирной выставке, Петерман пришел к выводу, что следующие арктические исследования возглавят американцы. Он внимательно следил за экспедицией «Поляриса» и видел перспективу там, где остальные видели лишь катастрофу. «В полярных исследованиях Америка затмила все остальные страны», – писал он. Британцы же, по его мнению, «девять лет разглагольствовали о полярных экспедициях, критиковали все остальные предприятия и точки зрения, но сами при этом ничего не делали». После провала экспедиции «Поляриса» Петерман призвал американцев организовать новое плавание в Арктику. Такое «громкое заявление правительства Соединенных Штатов, – сказал он, – заставит британцев смущенно замолчать».

«Америка, – утверждал он, – добавила в список арктических героев имена Кейна, Хейса и Холла. Не сомневаюсь, новые герои не заставят себя ждать».

Он признавал, что полярная экспедиция сопряжена с колоссальным риском. Нельзя было отрицать, что кто-то падет в стремлении к полюсу, однако общественная польза открытия делала эту жертву обоснованной. Жертва во имя открытий значила для человечества гораздо больше жертвы на полях сражений. «Мне с трудом верится, что эта великая работа будет окончена без потерь. Погибнут корабли, погибнут люди, – писал Петерман. – Но разве тысячи благородных жизней надлежит терять лишь на бесчеловечной войне? Разве такое великое дело не стоит нескольких жизней?»

Петерман не понимал, почему те же самые европейские страны, которые ратовали за отправку исследовательских отрядов в малярийные джунгли Африки, не могли смириться с периодической гибелью своих отважных сынов на арктическом севере. Вообще-то, настаивал он, полярные регионы были гораздо безопаснее Черного континента. «Десятилетиями, – говорил он, – наши путешественники один за другим гибли в глубине самых опасных континентов, особенно Африки, то от рук фанатичных туземцев, то от тяжелого климата, в то время как в арктических экспедициях такие жертвы случаются крайне редко».

Однако увиденное в Америке – и особенно в Филадельфии – убедило Петермана, что Соединенным Штатам хватит смелости решиться на это предприятие. Посетив Всемирную выставку, Петерман нанес визит в Вашингтон, Балтимор и Военно-морскую академию в Аннаполисе. Он осмотрел Бостон, несколько городов Новой Англии и Ниагарский водопад. Куда бы он ни приезжал, везде его встречали с почестями. Ведущие ученые страны превозносили его. В Вашингтоне он встретился с кандидатом на пост президента Резерфордом Хейсом и был удостоен официального приема. Репортеры неотступно следовали за ним и цитировали его слова. Его поездка по Америке напоминала круг почета на закате выдающейся карьеры. Все это стало для него приятным сюрпризом: Петерман и не догадывался, что в Соединенных Штатах его так любят.

10 июля Петермана пригласили выступить перед Американским географическим обществом в Нью-Йорке. Мероприятие было организовано в Чиккеринг-Холле на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы. В зале было ужасно жарко и влажно – северо-восточную часть страны как раз настигла волна жаркой погоды, – и все же послушать знаменитого немца пришла целая толпа народа. «Жара едва не убивала меня», – сказал впоследствии Петерман. После короткого органного концерта он вышел на сцену.

Он мог без усталости говорить об этой уникальной стране и ее кипучей энергии и рассыпаться в благодарностях перед хозяевами. «Я неимоверно счастлив, что мне довелось увидеть эту великую страну и познакомиться с ее людьми», – начал он. Его впечатлило, что столичный Вашингтон «выстроен в соответствии с удивительным планом, а таких больших парков и площадей нет ни в одном другом городе мира». Ему особенно понравился Нью-Йорк, где он остановился в роскошном отеле «Бреворт». «Этот город, – сказал он, – и особенно его Бродвей, кажется мне своего рода первым меридианом, где встречаются два мира – западный и восточный».

В Аннаполисе доктору Петерману довелось побывать на выпускном в Военно-морской академии и посмотреть, как счастливые мичманы получают дипломы и подбрасывают в воздух свои шапочки. Он был уверен, что однажды Америка создаст великий флот, который сыграет роль не только в войне, но и в мирных исследованиях. «Когда в Аннаполисе я узнал, что в настоящее время эксплуатируется лишь одно военное судно, – сказал Петерман, – я снова убедился, что эта великая нация, по сути своей – страна мира».

Вскоре Август Петерман вернулся в Германию, но прибыл туда изменившимся человеком. «Поездка превзошла все мои ожидания, – признался он. – Увиденное восхитило меня».

По его мнению, Соединенные Штаты стали новым двигателем, который толкал вперед весь мир. Они стояли «во главе всего человеческого прогресса и культуры, которую только можно найти на свете. Это богатая и благодатная страна, земля чудесных природных задатков».

Затем, намекая на поразительную Всемирную выставку, Петерман заключил: «Желаю вам и всей вашей стране такого же прогресса и процветания, который ознаменовал первые сто лет ее существования».

Глава 7

Сатисфакция

Джеймс Гордон Беннетт-младший любил создавать впечатление, что он появился в этом мире уже полностью сформировавшимся человеком – уникальным человеком без прошлого и без привязанностей, который никому ничего не должен. Но чтобы понять, насколько экстраординарное положение он занимал в социальной среде Нью-Йорка, а также в суровом мире американских газет, нужно копнуть глубже и обратить внимание на столь же экстраординарную карьеру его отца, Джеймса Гордона Беннетта-старшего.

Беннетт-старший был замкнутым, начитанным человеком, который в 1819 году иммигрировал в США из Шотландии и через шестнадцать лет благодаря комбинации предпринимательского инстинкта и едва ли не мазохистской рабочей дисциплины основал «Геральд». С самого начала он хотел, чтобы его дешевая газета была «нахальной и дерзкой», и в этом отношении он более чем преуспел. Из-за едких нападок на политиков и бизнесменов он частенько получал смертельные угрозы. Несколько раз его даже избивали в подворотнях. Он получил по почте бомбу. Один враг попытался его утопить. Но все это лишь распаляло Беннетта. Он ничего не боялся и любил играть роль докучливого Иеремии. Его газета не стеснялась называть любые имена, а его репортеры имели доступ ко всем тайным порочным местам города. В 1836 году он возбудил негодование общественности из-за опубликованного на первой полосе репортажа о жестоком убийстве проститутки топором – в этом непристойном материале фигурировало первое в истории полноценное газетное интервью. Благовоспитанных джентльменов особенно возмутило, что это интервью дала хозяйка борделя, в котором работала жертва.

В то время как финансовые разделы конкурирующих газет обычно обходили стороной махинации на Уолл-стрит, в «Геральд» Беннетта-старшего регулярно публиковались расследования последних афер на рынке ценных бумаг. Спекулянт Э. Э. Клейсон, возмущенный особенно резкой статьей «Геральд», подкараулил Беннетта на улице и отхлестал его кнутом. Биограф Беннетта заметил, что «кнут, однако, переломился при первом же ударе и упал на тротуар, после чего Беннетт учтиво поднял его фрагменты и протянул нападавшему».

Беннетт-старший был главным городским ворчуном и соответствовал этому статусу даже внешне: безвременно поседевший, он ходил ссутулившись, страдал от сильного косоглазия и множества нервных тиков, терзавших его угловатое, с огромным носом лицо. Однажды из-за его жутковатого вида его даже выставили из борделя, прогоняя его из своего заведения, девушки сказали (во всяком случае, он так потом утверждал): «Уж слишком вы страшны, чтобы здесь находиться».

За газетой Беннетта охотились с тем же упорством, с которым его самого избегали. «Геральд» быстро превратился в крупнейшую ежедневную газету Америки. Будучи его единственным владельцем, Беннетт стал мультимиллионером, хотя его деньги и не открыли ему двери в нью-йоркское общество. Беннетт оставался изгоем, которому был заказан вход в лучшие клубы и салоны. Но было ли ему до этого дело? «Американское общество, – разглагольствовал он, – составляют люди, которые не приглашают меня на свои вечеринки».

Не существовало такой темы, к которой Беннетт-старший относился бы нейтрально. Он был, к примеру, ярким противником расширения прав женщин: «Материнство – лучшее лекарство от маний; его стоит рекомендовать всем притесненным», – говорил он. В его жизненной позиции не было ни капли альтруизма. «Возвышенные передовицы и кампании на благо общества ему казались просто чепухой, – замечал его биограф. – Все люди в его представлении были эгоистичными, алчными и совершенно никчемными, и положение вещей невозможно было улучшить – уж точно не с помощью журналистики». Вместо этого Беннетт занимался

исключительно «публикацией самой живой газеты города и наблюдал, как его чутье влияет на балансовые книги, растущие тиражи и доходы от рекламы».

Однако в 1840 году Беннетт вдруг ощутил прежде неизвестное чувство – любовь. Его сразила ирландка по имени Генриетта Клин. Будучи в два раза его младше, она уверенно поднималась по социальной лестнице и свободно говорила по меньшей мере на шести языках. Мисс Клин давала уроки игры на фортепиано и риторики и считалась одной из самых элегантных девушек Нью-Йорка. Беннетт явно разделял это мнение и изливал свое восхищение на страницах собственной газеты, замечая, что ее «фигура великолепна – голова, шея и бюст истинно классических очертаний».

Никто и не предполагал, что Беннетт может влюбиться, но он совершенно потерял голову. Вскоре они с Генриеттой поженились, и в мае 1841 года на свет появился их сын Джеймс Гордон Беннетт-младший. Главная соперница «Геральд», нью-йоркская газета «Сан», сухо сообщила о прибавлении в семье, но при этом заметила, что прелестный младенец просто не может быть сыном отталкивающего Беннетта. Хотя вслед за Джеймсом друг за другом родилось еще трое детей, в младенчестве не умерла лишь одна дочь по имени Жаннетта.

Генриетте Беннетт претила роль статусной жены самого скандального мизантропа американской печати. В ноябре 1850 года, когда они с мужем прогуливались по Бродвею, на Беннетта напала банда линчевателей, возглавляемая Джоном Грэмом – Беннетт всячески противился его выдвижению на пост окружного прокурора. На глазах у перепуганной Генриетты ее мужа избили едва ли не до смерти, но двое стоявших поблизости полицейских так и не вмешались в драку. Когда Беннетт поправился, Генриетта заявила, что Нью-Йорк с нее достаточно. Ей была не по душе бурная, пропитанная типографской краской жизнь мужа. Генриетта считала, что ее дети не должны расти в такой обстановке. Забрав маленьких Джеймса и Жаннетту, она уехала в Париж и осталась там навсегда, посещая Нью-Йорк лишь изредка. Беннетт вернулся к жизни вздорного холостяка и продолжил руководить газетой в одиночестве.

Джеймс и Жаннетта выросли вдали от родины: их воспитывала во всем потакающая детям мать-ирландка и учили французские учителя. От угрюмого и мрачного человека, который обеспечивал им роскошную жизнь, их отделял целый океан.

Когда Джеймс немного подрос, он стал чаще ездить в Нью-Йорк к отцу. Беннетт-старший хотел, чтобы в будущем сын принял на себя руководство газетой, поэтому выделил ему стол и определил круг номинальных обязанностей. Но его наследник не интересовался журналистикой – и вообще работой. Он обнаружил, что нью-йоркское высшее общество, которое отвергало его отца, его самого встречало с распростертыми объятиями, и влился в струю. Редактор «Сан» заметил, что его стали считать «примером для подражания и настоящим сорвиголовкой». Один из ранних биографов написал, что «описание всех безумств этого юнца и его компании оказалось бы не короче сказок «Тысячи и одной ночи». Свободное от посещения таверн и игорных домов время Джеймс проводил на яхтах и зарекомендовал себя умелым, но безрассудным моряком. В 1860 году отец построил ему собственную яхту «Генриетта», и Джеймс стал постоянно ходить на ней, выигрывая регаты в Америке и Англии.

Во время Гражданской войны Джеймс хотел служить в Союзническом флоте, хотя и не имел флотской подготовки. Когда ему отказали в приеме, он купил себе офицерское звание в Службе таможенных судов США. Став «третьим лейтенантом», он на собственной яхте «Генриетта» патрулировал Лонг-Айленд, а затем участвовал в морской блокаде Флориды. Служил Беннетт недолго, однако это помогло ему на много десятилетий установить тесную связь между «Геральд» и американским флотом.

В 1866 году Беннетт выиграл первую трансокеаническую регату, за тринадцать дней, двадцать один час и пятьдесят пять минут преодолев на «Генриетте» расстояние от Сэнди-Хук в Нью-Джерси до острова Уайт. К этому времени Беннетт стал гораздо больше интересоваться

«Геральд», и позже, в тот же год, постаревший Беннетт-старший передал управление газетой в руки сына. Беннетт-старший умер в 1872 году в возрасте 76 лет.

Заняв кресло главного редактора, Беннетт-младший сразу же стал непредсказуемым тираном. «Я – единственный читатель этой газеты, – часто говорил он своим сотрудникам. – Ублажать здесь нужно только меня». Но чутье на громкие истории почти никогда его не подводило, и тиражи «Геральд» росли как на дрожжах. В отличие от своего скупого отца, Беннетт-младший готов был тратить огромные деньги на сбор новостей и отправлял своих репортеров все дальше и дальше. В 1869 году он придумал послать репортера в Африку на поиски Давида Ливингстона и, как считается, дал молодому Генри Мортону Стэнли до смешного лаконичную инструкцию: «Найдите Ливингстона». Стэнли, конечно же, его нашел, и, благодаря его эксклюзивным репортажам, тиражи «Геральд» выросли еще сильнее.

Заняв кресло главного редактора, Беннетт-младший сразу же стал непредсказуемым тираном. «Я – единственный читатель этой газеты, – часто говорил он своим сотрудникам. – Ублажать здесь нужно только меня».

Беннетт не был похож ни на одного из других издателей мира. Гуляка, увлеченный спортсмен и абсолютный диктатор, он держал всех в ежовых рукавицах, сводя своих репортеров с ума постоянными требованиями разыскивать выдающиеся истории в кратчайшие сроки. Каким-то образом тонкий механизм все же работал, и под руководством эксцентричного Беннетта газета «Нью-Йорк геральд» стала самой интересной и влиятельной в Америке, если не во всем мире. Один репортер и редактор, много лет трудившийся на Беннетта, сравнил работу в «Геральд» со службой во Французском иностранном легионе: «Было что-то притягательное в свирепом владельце газеты, который славился своим непостоянством и жесткостью. Говорят, женщины теряют голову от таких мужчин. Газетчики точно были от него без ума».

В первый день нового 1877 года Джеймс Гордон Беннетт-младший по снегу подъехал к дому 44 по Западной Девятнадцатой улице, велел извозчику его подождать и поднялся по лестнице, чтобы присоединиться к давно начавшейся праздничной вечеринке в доме своей невесты. Распространявшиеся по Нью-Йорку слухи были верны: Джеймс Беннетт, знаменитый целой серией интрижек с актрисами и женщинами сомнительной репутации, наконец влюбился и сделал предложение приличной debutантке высшего света. До бракосочетания оставалось всего несколько недель.

Счастливицей стала Кэролайн Мэй, дочь уважаемого врача из Балтимора, который лето проводил в Ньюпорте и владел прекрасным домом на Манхэттене. Кэролайн описывали как «стройную, светловолосую девушку с гордо поднятой головой». Другой источник называет ее женщиной «необыкновенной красоты... очаровательной и бесстрашной». Должно быть, она была исключительной, ведь ей удалось достичь того, что многим жителям Нью-Йорка казалось невозможным. Один биограф написал: «Джимми Беннетт, ветеран игорных домов, страх и ужас приличного общества, голый извозчик, неумолимый игрок в поло и расточительный завсегдатай клубов, собрался остепениться».

Среди богатых ньюйоркцев в те годы вошло в традицию в первый день нового года «наносить визиты». Целые семьи запрягали лошадей в упряжки и под веселые песни и звон бубенцов катались по городу, заходя на открытые для всех вечеринки, где рекой лились бренди, бурбон и

эгг-ног². Как впоследствии написал один из современников Беннетта, эти сборища были просто «предлогом для пьянства». Беннетт весь день «наносил визиты» и к четырем часам, когда он оказался на пороге у Мэев, успел уже прилично набраться.

Его впустили в теплую приемную, где он с привычной живостью прошел прямо к бару. Он любил бывать у Мэев дома, и они, казалось, радовались, что он скоро станет их зятем. Кэролайн подружилась с младшей сестрой Беннетта Жаннеттой, что еще сильнее укрепило союз их семей. Судя по всему, Беннетт действительно любил Кэролайн и искренне хотел на ней жениться. Прошлым летом газеты напечатали, что в Ньюпорте она «сидела на почетном месте» в его экипаже и часто появлялась у него на яхте. В Нью-Йорке пару нередко видели в опере, на званных ужинах и в театре.

«Одна из подруг юной леди назвала этот союз блестящим, – указывалось в газетной статье. – Друзья мистера Беннетта и его отца обрадованы в не меньшей степени». По просьбе Кэролайн Беннетт заказал множество нарядов, украшений и белья из лучших магазинов Парижа. Когда посылка прибыла в Нью-Йорк, ему пришлось уплатить 9000 долларов налога таможенной службе. Планировалось, что после камерной свадьбы Беннетт с молодой женой взойдут на борт парохода «Россия» и отправятся на медовый месяц в Европу, где для них был организован большой тур.

В тот веселый первый день нового года свадебные планы оставались в силе. И все же казалось, что Беннетт еще не до конца готов остепениться. Насчет Кэролайн у Беннетта сомнений не было, однако супружество несколько пугало его. За время их помолвки ей несколько раз приходилось отзывать свое согласие, когда Беннетт напивался и вместе с друзьями-спортсменами выкидывал очередной идиотский и постыдный номер. Один из специализирующихся на светских сплетнях журналистов даже утверждал, что Беннетт «в любой момент может слететь с катушек», и замечал, что выпивка в некотором роде «усиливает его импульсивность... и притупляет многие благородные качества разума и сердца, которые характеризуют его, когда он «в себе».

Однако в определенных социальных кругах царила надежда. Один из редакторов отдела о жизни нью-йоркского общества оптимистично заметил, что последний загул Беннетта «случился довольно давно» и он, кажется, «столь настойчив в своих ухаживаниях, что все его друзья надеются на долгожданный брак».

Беннетт же ввалился в гостиную дома Мэев и поздоровался с Кэролайн, ее родителями и сестрами. В комнате было множество друзей Беннетта по клубу «Юнион», которые с удовольствием подшучивали над ним и похлопывали его по плечу. В одном углу горел камин, в другом стоял рояль, вокруг которого собрались исполнители рождественских гимнов. Беннетт сделал несколько скабрёзных комментариев, а когда лакей поднес крепленый пунш, взял себе еще стаканчик.

В этот момент Беннетт забылся. Стоя возле рояля, он расстегнул ширинку и на глазах у всех гостей принялся облегчаться, направляя струю внутрь инструмента. По другим данным, он написал в камин. Как бы то ни было, Беннетт явно почувствовал, что настала пора «откачать немного жидкости», как выразился один из биографов, и ничуть не постеснялся сделать это прямо посреди великосветского салона. «Беннетт забыл, где находится, – написал несколько лет спустя редактор «Геральд», – и повел себя недостойным джентльмена – да и вообще кого-либо – образом».

В гостиной тотчас воцарился хаос. Благовоспитанные гости в ужасе отшатнулись от Беннетта. Женщины вскрикнули и лишились чувств – или искусно притворились. Когда Беннетт закончил свое дело, друзья окружили его и потребовали объяснить, какого черта он творит.

² Эгг-ног – сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком.

Казалось, он не понял всей тяжести совершенного им проступка, даже когда двое крепких мужчин грубо выбросили его из дома Мэев на улицу, где ждала его упряжка.

Только на следующее утро, окончательно протрезвев, Беннетт начал осознавать масштабы трагедии. Семейство Мэев известило его, что помолвка в очередной раз расторгнута – и теперь уже навсегда. В клубе «Юнион» он почувствовал холодность со стороны своих приятелей. На улице прохожие искоса поглядывали на него. Горожане привыкли к вызывающим выходкам Беннетта, но на этот раз он зашел слишком далеко.

Должно быть, Беннетт это почувствовал, но гордость не позволяла ему принести извинения Мэям или наладить отношения с Кэролайн. Возможно, он не считал, что повел себя неправильно. Какое кому дело, как и где Джеймс Гордон Беннетт-младший решил опорожнить свой мочевого пузырь? Он целый день не выходил из дома, из-за чего некоторые конкурирующие газеты даже предположили, что он уехал из города, а «Сан» и вовсе написала, что он «сбежал в Канаду».

Но скандал не утих. 3 января Беннетт после обеда вышел из клуба «Юнион» и хотел уже сесть в упряжку, ожидавшую его на Пятой авеню, но тут его испугала темная фигура на тротуаре. Это был Фредерик Мэй, брат Кэролайн, который приехал прямо из Балтимора. Крепкий мужчина 26 лет, Мэй был довольно старомоден: благородство и семейная честь были для него не пустыми словами. Он приехал отомстить за публичный позор, который постиг дом Мэев (не говоря уж об их рояле), и вернуть сестре доброе имя.

Мэй взмахнул кнутом и хлестнул им Беннетта. Сначала Беннетт не дал отпора. Орудя кнутом, Мэй повалил его на землю и избил до полусмерти. В этой сцене было что-то до боли знакомое – такая же участь не раз постигала отца Беннетта на заре существования «Геральд».

«Может, просто убьете меня и покончим с этим?» – наконец выдавил Беннетт. Сцепившись с нападающим, он сумел свалить его с ног. К этому моменту члены клуба «Юнион» уже столпились у окон. С минуту мужчины катались по тротуару, со всей силы колотя друг друга, пока «кровь не забрызгала весь снег до самой мостовой», как подметила одна из газет.

В конце концов несколько членов клуба «Юнион» выбежали на улицу и разняли неистовствующих противников. Мэй побрел прочь по Пятой авеню, а Беннетт, корчась от боли и потирая подбородок, залез в упряжку. У него на переносице красовалась большая ссадина.

Но нос был меньшей из его потерь. Ужасно пострадала гордость Беннетта, и следующие несколько дней он варился в собственном соку. Затем он нашел выход, который мог бы удовлетворить и его балтиморского противника. Гостившая у брата в семейном особняке на Пятой авеню Жаннетта со слезами на глазах умоляла его не делать этого, но он ее не слушал. Беннетт уже решил для себя, что вызовет Мэя на дуэль.

Посланцем, которого Беннетт отправил бросить перчатку, стал его друг Чарльз Лонгфелло, сын великого поэта. Мэй сказал Лонгфелло, что принимает вызов Беннетта, и они условились о тайном месте на границе Мэриленда и Делавэра неподалеку от деревушки Слотер-Гэп. Дуэль была назначена на 7 января.

В 1877 году дуэли были под запретом на всей территории Соединенных Штатов и считались архаичным, если не варварским, обычаем. И Беннетт, и Мэй понимали, что любой окружающей прокурор, прознав об их дуэли, не станет сдерживаться и выживший в поединке, скорее всего, надолго отправится за решетку, поэтому было решено держать все подробности в тайне.

Двое дуэлянтов вместе со свитой – включая врачей – под вымышленными именами на поезде доехали до станции Слотер и дальше пошли по снегу пешком. Подозрительным местным жителям они представлялись служащими Пенсильванского железнодорожного управления, которых отправили разведать местность для прокладки нового полотна. Через час они добрались до отдаленного пастбища на границе двух штатов неподалеку от топких берегов

реки Чоптанк. На один из окрестных холмов поставили человека, который должен был следить, чтобы дуэлянтов не побеспокоили.

Около двух часов мужчины сняли пальто и заняли позиции в 20 шагах друг от друга. Каждый выбрал и зарядил пистолет, пока стоящие рядом секунданты говорили слова поддержки. Мэй приехал в черном, но его секундант решил, что так он слишком заметен на снегу, накинул ему на плечи светлый пиджак. Позже в нью-йоркском журнале «Уорлд» написали, что Мэй стоял боком, спиной к ветру и прикрывался рукой с пистолетом, прижимая локоть к корпусу, а мистер Беннетт «стоял лицом, чем подвергал себя большей опасности, но при этом получал возможность лучше целиться».

«Готовы? – спросил распорядитель, а когда оба дуэлянта кивнули, дал отсчет: – Один, два, три... *Огонь!*» Противники подняли оружие и прицелились.

Точно неизвестно, что именно случилось дальше, но, скорее всего, Мэй первым спустил курок. Его пистолет, очевидно, дал осечку (хотя, по некоторым сведениям, он намеренно выстрелил в воздух). Это дало Беннетту время тщательно прицелиться. Прошло несколько напряженных секунд – свидетелям показалось, что Беннетт ужасно нервничает. Его усы подрагивали. Считается, что он пощадил оппонента. Он выстрелил, но только ранил Мэя – пуля чиркнула немного ниже плеча по руке, которой тот стрелял. Врач Мэя счел эту рану достаточным основанием, чтобы прервать поединок. Фредерик Мэй не мог продолжать дуэль.

Беннетт и Мэй заявили о «сатисфакции», и на этом все закончилось. Обе стороны с облегчением восприняли такой удачный исход, но противники не пожали руки и не перекинулись ни словом, шагая по снегу обратно к железнодорожным путям.

По дороге Беннетт спросил у своего секунданта, доктора Чарльза Фелпса: «Что ж, доктор, думаете, я правильно поступил?»

«Мне было бы ужасно жаль убить человека, жизнь которого была бы в моей власти, – ответил доктор Фелпс, но затем, взглянув на распухший нос Беннетта, добавил: – Но я бы, пожалуй, не устоял перед искушением его ранить».

По имеющимся сведениям, Мэя отвезли в дом его дяди в Мэриленде, где врач очень быстро залечил его рану. Беннетт со спутниками остановились в близлежащем отеле и заказали несколько кувшинов пива. В «Геральд» написать о дуэли было нельзя, но несколько заметок появилось в «Нью-Йорк таймс» – в одной из них радостно сообщалось, что вопрос разрешился «полюбовно» и «обе стороны покинули место дуэли в приподнятом настроении, довольные, что кровавой трагедии удалось избежать». Никто из противников – замечала «Таймс» – не получил серьезных повреждений и «не лишился ни жизни, ни здоровья, ни присутствия духа».

Столкновение Беннетта и Мэя называют последней официальной дуэлью на территории Соединенных Штатов. Такое заявление кажется несколько натянутым, однако она точно стала *одной из* последних дуэлей в США и, учитывая социальный статус противников, привлекла внимание обывателей как в Америке, так и по всему миру. Инцидент расследовали правоохранительные органы нескольких штатов, однако они не нашли достаточных оснований для выдвижения обвинений – все свидетели дуэли хранили обет молчания. Доктор Фелпс даже отсидел за решеткой за отказ давать показания большому жюри, созванному окружным прокурором Нью-Йорка. В надежде приуменьшить значение дуэли и тем самым сбить обвинителей со следа представители обеих сторон сообщили прессе, что Мэй вообще не был ранен, – и эта история закрепилась в общественном сознании.

И все же, вернувшись в Нью-Йорк, Беннетт обнаружил, что его конфуз в доме Мэев до сих пор не забыт и не прощен, а последовавшая за ним дуэль лишь добавила противоправности его вопиющему социальному проступку. Он стал такой же персоной нон грата, которой когда-то являлся его отец, хотя и по другим причинам. Обитатели Пятой авеню решили, что «у них

нет желания развлекать человека, которого, очевидно, в свое время не приучили к лотку», как выразился один из биографов Беннетта.

Реакция Беннетта на этот остракизм оказалась весьма любопытной, однако, возможно, это было лишь очередным проявлением его эксцентричности. Раз уж семейство Мэев теперь воротило от него нос, нью-йоркское общество его отвергало, а окружной прокурор был решительно настроен засадить его в тюрьму, Беннетт вознамерился сжечь все мосты и навсегда покинуть Нью-Йорк. Подобно своей матери, которая когда-то увезла из этого города его самого и Жаннетту, он решил оставить свою американскую жизнь и отправиться в Париж. Ему не хотелось иметь ничего общего с городом, воспетым в названии его газеты: руководить этой бизнес-империей можно было и из-за океана, ежедневно связываясь с редакторами и передавая все свои экстравагантные желания посредством непомерно дорогих трансатлантических кабелей. «Нельзя сказать, что таким образом Беннетт изгонял себя из Нью-Йорка», – написал впоследствии его биограф. Скорее это «Нью-Йорк навсегда изгонялся из его мира».

В середине января он незамеченным пришел на пристань и поднялся на борт парохода, следующего во французский Гавр. Вскоре он обосновался в Париже в великолепной квартире прекрасной эпохи на Елисейских Полях. Но вскоре он услышал от друзей, что Фредерик Мэй приехал во Францию, не оставляя надежды отомстить за поруганную честь своей сестры. Боясь внезапного нападения, Беннетт заказал некий «сверкающий панцирь» – плотную кольчугу, которую долго носил под одеждой. Наконец, обезумев от напряжения и устав носить тяжелую и жаркую броню, он отправил друзей встретиться с Мэем и выяснить его планы. Один из близких парижских знакомых Беннетта впоследствии написал: «Мистер Мэй заявил, что не собирается никого убивать, поэтому ДГБ с великим облегчением снял свой панцирь».

Некоторое время у Беннетта была русская любовница, которая звалась «Мадам А» и считалась «самой неприветливой женщиной французского общества». Беннетт не восстановил отношений с Кэролайн Мэй и большую часть жизни оставался холостяком. Жить в Нью-Йорк он так и не вернулся.

Глава 8

Мудрец из Готы

Интерес Джеймса Гордона Беннетта к отправке новой арктической экспедиции становился все сильнее, и в марте 1877 года он решил навестить эксперта по Арктике доктора Августа Петермана. С несколькими пересадками он на поезде добрался до французской глубинки, а затем пересек границу с Германией. Путешествие на поезде показалось Беннетту «изматывающим». Ему претило трястись в вагоне по дремлющим европейским просторам, куда не могли добраться ни его газета, ни его яхты. Он миновал древний Тюрингенский лес, напоминающий темно-зеленое море. Затем поезд въехал в плодородные земли, покатился по лоскутному одеялу пастбищ и горчичных полей и, в конце концов, прибыл в чопорную Готу.

Гота была до крайности милым средневековым городком с населением около 15 000 человек: извилистые улочки были выложены булыжником, ввысь стремились остроконечные шпили церквей, всюду стояли простые дома из камня и кирпича. Фонтаны на площадях питались из канала, который приносил воду из реки в 15 милях от города. На холме возвышалась гигантская барочная крепость – замок Фриденштайн, – построенная в 1650-х годах. Газетный репортер того времени описал Готу как «дремлющий город, в котором, казалось, ничего не происходило уже добрую сотню лет».

Беннетт пришел в издательский дом Юстуса Пертеса, где доктор Петерман организовал свой географический Anstalt, или институт. Хотя Гота стояла на отшибе – так, по крайней мере, казалось искушенному Беннетту, – она давно считалась одним из ведущих издательских центров Германии. Как ни странно, этот провинциальный город также был и центром книгопечатания. Здесь издавались не только карты и атласы, но и энциклопедии, словари, альманахи, журналы и всевозможные специализированные публикации. Город был полон искусных и точных аппаратов для украшения книг, литографии, гравировки по меди, цветной печати, переплета и других тонкостей ремесла. Городская жизнь была пропитана духом перфекционизма; поздно вечером можно было даже почувствовать вибрацию паровых ротационных машин.

Петерман принял Беннетта в чертежном зале института, где над наклонными столами корпели студенты-картографы, работавшие с компасами, кистями из конского волоса и штриховыми карандашами. Петерману нравилось приводить сюда посетителей. Его ежемесячный журнал «Географические известия Петермана» создавался именно здесь, как и всевозможные атласы. Хотя герцог Готский назначил Петермана профессором расположенного в 75 милях к северо-западу Геттингенского университета и присудил ему почетную докторскую степень, Петерман считал эту должность настоящей синекурой и редко появлялся в кампусе. Его настоящим домом была эта оживленная мастерская в Готе. Его открытый офис находился в самой гуще событий – вокруг постоянно чертили новые карты. Не зная, как обращаться к знаменитому картографу, Беннетт называл его просто «ваше докторство».

«Известия» Петермана давно считались самым авторитетным источником новейших географических знаний. Новые открытия питали его атласы, а его атласы, в свою очередь, подписывали новые открытия. Латинский девиз его журнала *Ubique terrarum* («Вокруг света») часто сопровождался древним символом уробороса – змеи, кусающей собственный хвост. Этот символ отражал порочный круг, лежавший в центре предприятия Петермана в Готе: знания о мире питают больше знаний о мире.

Петерман не упускал удовольствия показать гостям свою маленькую империю, которой руководил с предельной эффективностью. Зачастую он был груб с теми, кто работал на него, и весьма скуп на комплименты. «Он умел учить, но ему было сложно хвалить работу учеников, – писал позднее один из коллег Петермана. – Он добился мировой славы за счет своих сотрудников».

И все же организованное им предприятие было в высшей степени любопытно. В его цеху всегда кипела работа: на удивление точный портрет Земли постепенно обретал форму и обрстал все более мелкими деталями. Здесь каждой черточке мира – каждой реке, мысу, фьорду, леднику, болоту и перешейку – присваивались имя, контур и цвет. Незначительных деталей для картографов Петермана не существовало. Учитывались все существенные перепады высоты, все доминирующие морские течения, все пути и железные дороги, все оазисы и караванные тропы, даже известные координаты телеграфных проводов, опутавших континенты, и толстых кабелей, проложенных по океанскому дну.

Карты Петермана не имели себе равных. Они были надежны, актуальны, безукоризненно точны и поразительно красивы – обычно их раскрашивали вручную. Они были полны информации: по картам можно было судить о рельефе и градиенте местности, многочисленные петли и завитки изотерм показывали малейшие изменения климата, плотности населения и океанской температуры. Работники Петермана могли с поразительной быстротой создать новую карту. Французский издатель популярных словарей Ларусс несколькими годами ранее признал заслуги Петермана: «Сегодня Петерман во всех цивилизованных странах считается главным авторитетом нашей эпохи в сфере географии».

Показав Беннетту свой географический институт, Петерман провел его по типографии Пертеса, где стояли медные гравировальные станки и большие ротационные прессы. Затем они направились на виллу Петермана неподалеку от железнодорожной станции. Там они прошли по саду и наконец поднялись в кабинет хозяина, где в книжных шкафах стояли почти все когда-либо написанные книги об Арктике. По словам одного из историков Арктики, Петермана считали «полярным отцом» планеты, своего рода «международным президентом географического мира». Люди со всего света приезжали к нему в Готу, чтобы узнать его мнение касательно исследований Арктики. Он удостоился множества наград и почетных степеней, а королевские дворы Италии, Австрии, Испании и ряда других стран отметили его заслуги престижными медалями.

И все же Август Петерман был со странностями. Многие его представления об Арктике, как теперь известно, не имели никаких оснований и в целом были довольно чудными. К примеру, он советовал путешественникам похищать хотя бы по одному эскимосу каждого пола из всех северных туземных племен, чтобы затем, как на Ноевом ковчеге, привезти их в западный мир, где ученые получили бы возможность изучить их и в качестве живых экспонатов представить публике. Кроме того, Петерман разработал не подкрепляемую никакими конкретными свидетельствами теорию, в соответствии с которой греки и итальянцы генетически лучше всего были приспособлены к лишениям и трудностям арктических странствий. Возможно, это объясняется его искренней убежденностью в мягком климате полюса. Он также утверждал, что соленая океанская вода не замерзает и уж точно не может промерзнуть так, чтобы подо льдом оказался весь Северный полюс: по его мнению, льды образовывались лишь возле арктического побережья и в основном появлялись там, где пресноводные реки впадают в арктические моря. Бывало, он выдвигал и несколько другое предположение: возможно, соленая вода и замерзает, но в процессе этого вся соль вымывается из нее или выветривается в ходе «кристаллизации». Как бы то ни было, он настаивал, что ледяные шапки практически не содержат соли, так что исследователи Арктики вполне могли использовать полярные льды в качестве источника не требующей фильтрации пресной воды.

Карты Петермана не имели себе равных. Они были надежны, актуальны, безукоризненно точны и поразительно красивы – обычно их раскрашивали

вручную. «Сегодня Петерман во всех цивилизованных странах считается главным авторитетом нашей эпохи в сфере географии».

Когда речь заходила об Арктике, в Петермане, по словам историка немецких арктических исследований Дэвида Томаса Мерфи, просыпалась «удивительная тяга к поспешным и ложным выводам. Его представления кажутся современному читателю такими невероятными, такими поразительно нелогичными и в ретроспективе такими неправильными, что словно бы граничат с безумием».

Сам Петерман никогда не был в Арктике. Его визит в Соединенные Штаты стал самым смелым плаванием его жизни. По свидетельству другого историка, он был «превосходным кабинетным скитальцем». И все же противоречащие его теориям сообщения людей, которые действительно были в Арктике, лишь усиливали его упрямство. Во многих отношениях Петерман оставался загадкой – воинствующим романтиком, дотошным мечтателем с тягой ко всему поражающему воображение. «Выдающиеся добродетели сочетались в нем с ужасными грехами, – писал Мерфи. – Он, без сомнения, был ярким и целеустремленным визионером, одаренным в своей области и не лишенным умения убеждать. Но в то же время он оставался опрометчивым эксцентриком, чьи ложные представления об арктической географии обрекли на верную гибель целую серию полярных экспедиций».

И все же Беннетт пришел в восторг от Петермана и готов был слушать его не перебивая. В течение их трехчасовой встречи Беннетт сделал лишь несколько отрывочных замечаний, поэтому точно неизвестно, что именно сказал тогда Петерман, но немного позже Беннетт отправил в Готу репортера «Геральд», которому было дано задание восстановить беседу и изложить широкие взгляды профессора на положение дел в сфере исследования Арктики.

Мудрец из Готы восхвалял готовность Беннетта спонсировать новый полярный поход. «Исследование Арктики – дело всего мира, – сказал Петерман репортеру «Геральд». – Теперь, когда истоки Конго и Нила уже обнаружены, на пути открытий остается сделать последний великий шаг». И сделать его должны американцы. Если раньше у Петермана и были сомнения на этот счет, поездка на Всемирную выставку закрепила его в этой уверенности.

Конечно, Англия оставалась самой опытной страной по части полярных исследований, но британцы не внушали Петерману доверия. Он любил Британию и в то же время ее ненавидел. Хотя он родился и вырос в соседнем Блайхероде и учился в Потсдаме, в первой половине жизни Петерман работал в Лондоне и там увлекся английской культурой. В середине 1850-х он переехал обратно в Германию, но по-прежнему каждый день читал лондонские газеты, пил английский чай и следил за бюллетенями Королевского географического общества. Его жена Клара была британкой, дома они говорили на английском. Трое их дочерей воспитывались в английской традиции.

Хоть Петерман и был в душе англофилом, Англия все равно его отвергла. Отчасти это объяснялось расцветом национализма и ксенофобии, который наблюдался в Англии после возвышения Бисмарка и Франко-прусской войны. Кроме того, здесь был замешан и стиль: ведущим британским исследователям и теоретикам Арктики просто не нравился Петерман. Они находили его слишком капризным и упрямым. Над ним посмеивалась лондонская «Таймс», на него свысока смотрели в Королевском флоте. Когда речь заходила об Арктике, Петерман не мог держать себя в руках и сходил в споре с любым, кто не разделял его мнения. Члены Королевского географического общества, в котором он давно состоял, объявили ему бойкот. Казалось, Петерман стал никому не нужен.

Заклятым врагом Петермана в Британии был Клементс Маркем из Королевского географического общества. Маркем считал Петермана шарлатаном и пустословом. «Доктор Петер-

ман серьезно повредил исследованиям Арктики», – утверждал Маркем, полагая, что излюбленная теория Петермана об открытом полярном море была полным вздором. Хотя британцы и имели опыт полярных экспедиций, они постепенно отказывались от идеи достичь полюса водным путем: Маркем и другие ведущие британские сторонники исследований считали, что добираться туда следует на упряжках, а не на кораблях.

«Весь опыт, – писал Маркем, – показывает, что полярный бассейн либо покрыт единой ледяной коркой, либо заполнен огромным количеством непроходимых дрейфующих льдин, среди которых кое-где встречаются полыньи». Маркем подчеркивал, что идея Петермана о возможности без проблем доплыть до Северного полюса будет стоить молодым исследователям жизни. Петерман, как он замечал, полагает, что морякам под силу «пробиться сквозь ледяное кольцо или пояс, выйти в придуманный им полярный бассейн... и поплыть по нему дальше. Легко писать такое, сидя в Готе».

Британский адмирал и путешественник Шерард Осборн, который также являлся видным членом Королевского географического общества, добавлял: «Я считаю ошибочной попытку на кораблях пробиться к Северному полюсу и готов принять участие в такой экспедиции, только если доктор Петерман лично отправится в это путешествие».

Чувствуя себя отвергнутым любимой страной, которая стала ему вторым домом, Петерман уединился в колдовском мирке далекой Готы и полностью игнорировал арктические поползновения британцев.

Однако американцы не на шутку заинтересовали Петермана. Ему показалось, что они действуют весьма любопытным образом: складывалось впечатление, что американцы не обращают внимания на иерархию и выслугу лет. Они искусно сочетали национальные интересы с торговыми, правительственное финансирование с частным, военную славу с гражданской гордостью. Петерман не сомневался, что поразительные изобретения и организационный размах позволят американцам достичь Северного полюса. Его впечатлило, как быстро Соединенные Штаты восстановились после Гражданской войны и вступили в полярную игру. «Мир не может не признать, – писал Петерман, – что американцы, потратив огромное количество средств на войну, припасли и кое-что для науки».

Само собой, Петерман прекрасно знал о том, как Беннетт отправил Стэнли в Африку. Он понимал, что им двигало желание продать как можно больше газет, но все же путешествие Стэнли дало обществу новые знания, в то же время возбуждая его аппетит к дальнейшим открытиям. Вернувшись из Африки, Стэнли встретился с Петерманом в Готе, где профессор использовал все полученные путешественником сведения для создания новых карт африканского континента. Таким образом, Беннетт внес существенный вклад в науку, за который Петерман был ему благодарен.

Петерман полагал, что Беннетт и Делонг должны достичь Северного полюса с той же смелостью и уверенностью в своих силах, которые характеризовали марш Стэнли по Черному континенту. «Однажды, – сказал Петерман репортеру «Геральд», – полюс найдет человек, который работает столь же упорно и рассудительно, как Стэнли в Африке. Арктические исследования представляют огромный интерес для современной науки. Но все экспедиции поднимают новые вопросы. Чем больше мы видим, тем больше хотим увидеть и узнать. Успех лишь относителен».

Главным образом Беннетту хотелось посоветоваться с «его докторством» об угле атаки: откуда Делонгу стоит подойти к полюсу? Какой путь лучше всего подходит, чтобы пробиться сквозь лед и выйти в открытое полярное море?

Нечего и удивляться, что у Петермана на этот счет были готовы сложные теоретические выкладки. Прежде всего он велел забыть о Гренландии. Путь через пролив Смита не обещал ничего, кроме трудностей. Экспедиция Чарльза Холла стала лишь последним примером того,

что ожидает любого, кто отправится в этом направлении. Путешественников там ожидало охватывающее полюс кольцо непроходимого древнего льда, которое Петерман и другие ученые называли палеокристическим морем.

«Плавание через пролив Смита вошло в привычку, – сказал Петерман. – Люди верят, что это верный путь, потому что им так сказали двадцать или тридцать лет назад. В этом направлении ходили Франклин, Кейн, Холл и Хейс и многие другие знаменитые полярные исследователи, очарованные севером. Появилась иллюзия, что добраться до полюса, если и можно, то лишь по этому пути. Когда-то была такая же иллюзия об исследовании Африки. Вспомните об африканских экспедициях, которые упорно шли по старым, исхоженным тропам и находили лишь одно – разорение и гибель».

Несомненно, настало время для совершенно нового маршрута. Петерман читал трактаты Сайласа Бента о Курошио и был знаком с идеей «термометрических врат». Он был согласен с Бентом. Идти к полюсу нужно было через Берингов пролив, как и намеревался Делонг. Этим путем еще не ходили, а течение Курошио казалось достаточно теплым, чтобы размягчить лед и помочь кораблю пробить себе дорогу в открытое полярное море.

Но, по мнению Петермана, была и еще одна убедительная причина пойти через Берингов пролив. Неподалеку от северо-восточных сибирских берегов находился загадочный кусок суши, который на ряде карт назывался Землей Врангеля. О нем веками ходили легенды, но он казался лишь миражом, туманной грезой. Никто точно не знал, что это такое. Возможно, это был остров, возможно, континент, а возможно, волшебный портал на полюс. Возможно, его и не было вовсе. Прежде чем его называли Землей Врангеля, на картах появлялись другие названия: Земля Тикеган, остров Пlovera, Земля Келлетта.

В 1822 году населяющие северо-восточные сибирские берега чукчи сообщили русскому путешественнику Фердинанду Врангелю о находящейся севернее земле, которую видно при благоприятных погодных условиях. Сами чукчи никогда там не бывали, но каждые несколько лет в ясные, погожие дни, когда туманы рассеивались и арктический свет преломлялся удачным образом, из моря, как во сне, поднималась гористая земля. Чукчи называли ее Невидимой Землей и рассказывали легенды о пропавшем народе, который ее населял. Они также видели стада диких оленей, которые во время сезонной миграции уходили по льду на север, возможно именно на эту землю. В этом же направлении летели стаи гусей и морских птиц. Похоже, животным было известно что-то такое, о чем не знал человек.

Заинтересовавшись, барон Врангель попробовал подплыть к мифической земле, однако лед не позволил ему взглянуть на нее даже издалека. Около тридцати лет спустя капитану английского судна, отправленного на поиски пропавшей экспедиции сэра Джона Франклина, показалось, что он заметил в отдалении большой арктический остров. Позднее о нем сообщали капитаны многих китобойных судов, хотя их заявления и оспаривались. Немецкий китобой Эдуард Дальман даже утверждал, что в 1866 году ненадолго высаживался на этот остров.

Там точно что-то было – в этом Петерман не сомневался. Он полагал, что эта земля (судя по рассказам северных китобоев и старинным сообщениям русских путешественников) была окружена открытой водой. «Всемирно известно, – писал он, – что к северу от сибирского побережья на относительно небольшом расстоянии от него находится судоходное в любое время года море».

Теперь Петерман точно уверился: Беннетт и Делонг должны использовать это открытое море и взять курс на Землю Врангеля. Какой вклад в науку внесет долгожданное исследование этой земли! По дороге к полюсу, сказал Петерман, экспедиция Беннетта должна попытаться высадиться на Землю Врангеля, обследовать ее и объявить собственностью Соединенных Штатов.

Петерман придерживался необычной теории относительно Земли Врангеля: он полагал, что это продолжение северной Гренландии – что Гренландия простирается сквозь Арктику, представляя собой большой трансполярный континент. Петерман выпустил достаточно нелепую карту, на которой изобразил этот мнимый материк и назвал его Трансполярией. Гренландия вытянулась в северном направлении в сторону неизведанной Арктики и превратилась в длинный хобот, проходящий более тысячи миль через полюс и оканчивающийся Землей Врангеля. Этот несуразно длинный и узкий полуостров, оба берега которого омывали воды свободного ото льдов открытого полярного моря, – этот слоновий хобот гипотетической земли – на карте выглядел просто абсурдно. Но Петерман упрямо стоял на своем и рьяно доказывал существование выдуманной им нелепости.

Идея Петермана состояла в том, чтобы группа Беннетта добралась до берегов Земли Врангеля и выяснила, куда они ведут. При необходимости там можно было перезимовать, охотясь на оленей и других животных, которые там обитали. Землю Врангеля можно было использовать в качестве своеобразной лестницы для достижения конечной цели. Добравшись до открытого полярного моря, они могли на корабле достичь полюса. Если же к морю выйти не удастся, они могли продолжить путь на собачьих упряжках и малых судах. В любом случае эта экспедиция не могла не внести существенный вклад в науку, подтвердив или опровергнув гипотезу Трансполярии. В ходе экспедиции исследователи должны были достичь северных рубежей, где еще не ступала нога человека.

Петерман настаивал, что это самый разумный план по достижению Северного полюса. «Возможно, я ошибаюсь, – сказал он репортеру «Геральд», – но опровергнуть мою теорию можно, только попробовав последовать ей. Я считаю, если одна дверь закрыта, стоит постучать в другую. Если один путь несет лишь поражения, стоит попробовать другой. Я не против любой экспедиции, которая предполагает честную работу в арктических регионах».

Но в то же время Петерман понимал, что плавание в Арктику чрезвычайно опасно. Он всегда подчеркивал это. «Великое дерзновение должно быть прекрасно спланировано, – написал он перед одной из немецких полярных экспедиций. – Такая задача под силу только великому человеку, великой личности. Если вы сомневаетесь в себе, отступитесь».

Петерман пообещал снабдить экспедицию Беннетта полным набором планов и карт Арктики и помочь исследователям любым другим доступным ему способом. Но за энтузиазмом по отношению к новому предприятию Беннетта скрывались печаль и некоторая покорность. Казалось, он скорбит – и в каком-то отношении это было правдой. Двумя годами ранее одна из трех его дочерей умерла от неизвестной болезни, вызванной, как считается, «нервным перенапряжением».

Смерть дочери нарушила равновесие его существования. Он погрузился в тоску. В его генах была маниакальная депрессия: несколько мужчин из его семьи – по имеющимся сведениям, включая его отца и брата, – покончили жизнь самоубийством. Петерман с женой Кларой были на грани разрыва. Он с головой ушел в работу, словно она была единственным, что у него осталось. Петерман иступленно цеплялся за свои арктические фантазии: он понимал, что экспедиция Беннетта может стать его последним шансом отстоять свои теории в глазах общественности. Он отчаянно хотел, чтобы Беннетту и Делонгу сопутствовала удача.

Вернувшись в Париж, Беннетт написал Делонгу пылкое письмо. «Я только что вернулся из спешной поездки в Готу, где встретился с доктором Петерманом. Не сомневаюсь, вы о нем наслышаны. Уверяю вас, проведенные с ним три часа полностью окупили мое изматывающее путешествие. Он сказал, что тридцать лет занимается изучением полярной проблемы и не сомневается, что полюса можно достичь».

Беннетт сообщил Делонгу, что идти надо через Берингов пролив – в этом Делонг был совершенно прав. «Петерман говорит, что можно обернуться за одно лето... если подобрать подходящее судно и найти капитана, имеющего опыт ледовой навигации».

В устах Петермана все это казалось таким заманчивым и таким простым, что Беннетт и сам почувствовал арктический зуд. Конечно, это было лишь мимолетным увлечением, но он теперь думал отправиться на полюс на собственном корабле. Должно быть, Делонг немало удивился, прочитав в конце его письма: «Я всерьез обдумываю возможность взять еще одно судно в дополнение к вашему и отправиться на нем по маршруту Петермана».

Глава 9 «Пандора»

С первой встречи Гордона Беннетта с Джорджем Делонгом желание издателя спонсировать экспедицию к Северному полюсу с каждым днем становилось все сильнее. В течение 1876-го и 1877 годов он тесно общался с Делонгом по почте и телеграфу, то и дело проверяя, не изменились ли стремления молодого офицера. «Он более чем когда-либо настроен все осуществить», – писал Делонг Эмме. Осенью 1876 года Беннетт убедил Делонга взять отпуск и приехать в Англию, чтобы найти подходящий корабль для плавания в Арктику. Само собой, Беннетт брал все расходы на себя.

Делонг обрадовался представившейся возможности. Он был озабочен инициативой офицера Управления кадров сухопутных войск США Генри Хаугейта, который выступил перед конгрессом с предложением основать в северной части Арктики американскую колонию, которая стала бы базой для полярных исследований. Мысль о том, что можно попытаться достичь Северного полюса по суше, а не по морю, беспокоила Делонга. При таком сценарии во главе исследований, скорее всего, встала бы армия, а не флот, а следовательно, Делонгу можно было забыть о лидирующей позиции. Ему ужасно хотелось найти подходящий корабль как можно скорее – ради самого себя и ради американского флота.

В декабре Делонг на пароходе отправился в Англию и обнаружил, что там полярные исследователи всюду обсуждают британскую арктическую экспедицию, которая недавно вернулась после безуспешной попытки покорения Северного полюса со стороны западного побережья Гренландии. Возглавляемая британским морским офицером Джорджем Нэрсом экспедиция установила новый рекорд северной широты, однако из-за цинги и ряда других проблем была вынуждена вернуться домой. Провал экспедиции Нэрса не на шутку озаботил Делонга, однако они с Беннеттом встретились в Сомерби-Холле, принадлежащем издателю классическом загородном имении в Линкольншире, и решили не прерывать свою миссию. Делонг приступил к работе. Он колесил по Англии в поисках подходящего судна, посылая вперед своих агентов, которые втайне наводили справки в крупнейших портах страны. Три недели Делонг безостановочно путешествовал, позволяя себе немного вздремнуть и перекусить лишь в поездах. «Мой желудок уже не принимает чай, – жаловался он Эмме, – а из-за недостатка сна я стал чувствителен, как кошка».

Особенный интерес для него представляли шотландские порты. Учитывая, как хорошо в Шотландии был развит китовый и тюлений промысел, Делонг не сомневался, что найдет там «подходящее для борьбы со льдом» судно. Он бродил по докам Данди и Питерхеда и болтал с капитанами, порой пытаясь разговорить их порцией виски. Но он никак не мог найти ни одного судовладельца, который готов был одолжить свой укрепленный для плавания во льдах корабль. «Спрос на китовый ус невероятен, – с отвращением писал Делонг. – Все подходящие корабли весной и летом отправляются на китовый промысел».

Делонг решил посетить Гамбург и другие крупные европейские порты, но сперва остановился в Каусе, столице парусного спорта на острове Уайт в проливе Ла-Манш. Там он услышал о судне «Пандора», которое успешно вернулось из сложного плавания в Арктику – профинансировать это плавание помог Беннетт, а его корреспонденты были на борту и присылали репортажи в «Геральд». Делонгу сказали, что этот маленький корабль в настоящее время не используется и, возможно, даже выставлен на продажу. В «жуткий день», когда шторм обрушил на остров дождь со снегом, Делонг пришел в порт и не уходил оттуда, пока не нашел нужный корабль.

«Пандора» понравилась Делонгу с первого взгляда. Она показалась ему «аккуратным» судном. Этот трехмачтовый барк был также оборудован паровым двигателем, который приво-

дил в движение винт. «Пандора» была 146 футов длиной и 25 шириной. При полной загрузке и оснастке ее осадка составляла 15 футов. На ней было 8 шлюпок, включая паровой катер и три вельбота³. У нее был острый нос, усиленный для плаваний во льдах, и узкая скругленная корма. На «Пандоре» спокойно могли разместиться 30 человек – именно столько Делонг и собирался взять с собой в Арктику. Ее водоизмещение составляло 570 тонн.

Больше всего Делонга впечатлила славная история «Пандоры»: казалось, этому судну везде сопутствует удача. Построенная в английском Дэвенпорте, «Пандора» была спущена на воду в 1862 году и четыре года служила канонерской лодкой Королевского флота у берегов Африки, а затем перешла в частные руки. Когда с «Пандоры» сняли пушки, ее оснастили для плавания в Арктику, после чего она дважды ходила в Гренландию, где прекрасно зарекомендовала себя при плавании во льдах.

Делонгу понравилось, что «Пандора» раньше входила в состав Королевского флота. До этого момента большинство арктических экспедиций организовывалось Британским адмиралтейством. Делонг восхищался английскими успехами в этой сфере и, будучи офицером слабого флота, глубоко почитал нацию, которая давно и безраздельно властвовала над морями. Ему было приятно, что он, американец, будет командовать бывшей канонерской лодкой Королевского флота в Северной Арктике – казалось, Британия через Атлантику передает эстафетную палочку более юному и страждущему кандидату, который с готовностью подхватывает ее исследовательскую инициативу.

С «Пандорой» возникла лишь одна проблема: она не продавалась. Ее владелец, состоятельный, но несколько эксцентричный путешественник Аллен Янг, обожал свое судно. Янг лично был капитаном «Пандоры» в обоих ее плаваниях к берегам Гренландии. Ему нравились силуэт небольшого корабля и его надежность; ему нравилось, как легко она «слушалась руля». «Пандора» стала ему вторым домом, и он лелеял множество воспоминаний о проведенных на борту днях.

Порой стиль его путешествий казался несколько странным. Однажды при плавании по морю Баффина Янг поймал живого белого медведя, приковал его к шканцам, напоил смесью хлороформа и опиума и попытался приручить и сделать талисманом корабля. (Некоторое время у него на борту также жила свинья.) За доблестную службу своей стране на борту «Пандоры» Янга недавно произвели в рыцари.

Сэр Аллен плывал вдоль восточных берегов Баффиновой Земли в надежде осуществить давнюю мечту Британского адмиралтейства и найти Северо-Западный проход к Берингову проливу вдоль северного берега Канады. Толстые льды вполне ожидаемо помешали ему, как помешали и всем предыдущим экспедициям, нацеленным на поиски Северо-Западного прохода. Но «Пандора» показала себя с лучшей стороны, даже оказавшись затертой во льдах. В какой-то момент судно, по словам Янга, «безнадежно застряло». Он слышал, как скрипят и стонут корабельные балки. Давление стало таким сильным, что команде пришлось подрывать лед с помощью пороха, однако «льдины по-прежнему напирали на наш несчастный корабль. Мы приготовились покинуть «Пандору», если она все же не выдержит ледового натиска. Мне казалось, что она попала в ледяную ловушку, выбраться из которой ей уже не суждено».

Эксцентричный путешественник Аллен Янг обожал свое судно. «Пандора» стала ему вторым домом, и он лелеял множество воспоминаний о проведенных на борту днях. Но лишь до поры до времени...

³ Вельбот – быстроходная, относительно узкая, 4/8-весельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы.

Но «Пандора» выстояла. Позже Янг обнаружил, что, несмотря на «ожесточенность схватки со льдом», самым серьезным из повреждений стала погнутая лопасть винта. Кажется, у этого маленького судна был собственный ангел-хранитель. «Мы все были здоровы, – гордо заявил Янг секретарю адмиралтейства. – Плавание прошло совершенно безопасно и комфортно».

Во время гринландских приключений Янг стал неразлучен со своим судном. Хоть Делонг и предлагал ему немаленькую сумму, сэр Аллен отказывался продавать «Пандору». Строго говоря, она была ему не нужна, но он хотел из сентиментальности оставить ее себе.

Но лишь до поры до времени. Год спустя, поддавшись импульсу, Янг решил все же продать «Пандору» и незамедлительно связался с Беннеттом. Беннетт приехал из Парижа и купил судно за 6000 долларов. Аллен вскоре пожалел о своем поспешном решении и снова связался с Беннеттом в надежде выкупить «Пандору» обратно. Но Беннетт не поддался на уговоры.

Целый год Делонг читал об Арктике, не оставляя своей службы в Нью-Йорке, но вернулся в Англию, как только смог взять более продолжительный отпуск, чтобы руководить очисткой и переоснащением «Пандоры». На этот раз он взял Эмму и их пятилетнюю дочь Сильвию с собой. Они сняли комнату в скромном отеле в лондонском Вест-Энде по адресу Нью-Кавендиш-стрит, 15. Почти четыре месяца весной и летом 1878 года Делонг каждый день спускался к Темзе, где «Пандора» стояла в сухом доке на верфях Уолкера в Детфорде. Ему не хотелось пропустить ни единой детали переоснащения судна. «Малейшее упущение, – писал он, – может, в конце концов, стоить нам успеха экспедиции». Чтобы улучшить корабль, Беннетт принес в жертву некоторые детали и крепления его собственной яхты «Неустрашимая». По словам Эммы, Делонг «неусыпно следил за подготовкой «Пандоры» – да и она сама «закружилась в водовороте» суеты, когда началась разработка планов экспедиции.

В конце весны последовала череда званных ужинов и собраний, которые Делонгам казались очень долгими проводами. Делонг считал себя новичком в сфере арктических исследований, но в последние недели в Лондоне к нему относились как к крайне важной персоне. Он посетил Королевское географическое общество и встретился со множеством британских ученых и путешественников. Ветераны-полярники засыпали его просьбами присоединиться к экспедиции. Родственник величайшего английского арктического мученика сэра Джона Франклина устроил праздник в честь предстоящего плавания Делонга, во время которого Делонг пообещал при случае попробовать разузнать о судьбе давно пропавшего путешественника и его огромной экспедиции (от которой не было вестей уже тридцать три года). Сэр Аллен Янг тоже пригласил к себе Делонга и пожертвовал «Пандоре» существенную часть своей арктической библиотеки и карт.

Об экспедиции так много говорили, что даже маленькая Сильвия почувствовала приближение чего-то важного, хоть и не понимала, в чем именно дело.

«Куда папа собирается?» – в какой-то момент спросила она.

«На Северный полюс», – ответила Эмма, но Сильвия лишь пожала плечами, решив, что это шутка. Разве папа мог отправиться в какое-нибудь сказочное место вроде центра Земли или поверхности Луны?

Лондонская «Таймс» обратила внимание на активность возле Темзы. «На верфях Уолкера переоснащают «Пандору», – объявила газета, – и можно сказать, что это совершенно новое судно. Вскоре она будет готова к выходу в море».

Делонг и Беннетт решили, что продолжить работы над «Пандорой» стоит в Гавре, где она простоит в доках еще месяц, будет официально переименована и занесена в американский реестр. Беннетт вернулся в Париж и принялся искать для судна новое имя, не обремененное злой мифической историей. Он полагал, что не сможет без зазрения совести отправить

целую команду моряков в Арктику на корабле, названном в честь греческой истории о ящике, содержащем все беды и несчастья мира.

Делонг решил сам привести «Пандору» из Англии во Францию, а затем вокруг Южной Америки в Сан-Франциско, где на верфях американского флота закончат ее приготовления к плаванию. Эмма и Сильвия отправятся в Калифорнию вместе с ним и небольшой командой на борту «Пандоры». В середине следующего лета наконец начнется экспедиция, «Пандора» отправится к Берингову проливу и Северному полюсу.

Прекрасным солнечным утром в конце июня «Пандора» отошла от пристани в центре Лондона, куда ненадолго заходила за провиантом, и отправилась вниз по Темзе. Вестминстерское аббатство и собор Святого Павла быстро скрылись за горизонтом. В приподнятом настроении Джордж и Эмма отправились в город ее юности, город их встречи и город их свадьбы – французский Гавр.

Глава 10

Три года – или никогда

Стояла чудесная погода, и Джеймс Гордон Беннетт ходил по своему кораблю, изучая все его линии. «Пандора» была не такой юркой, быстрой и крупной, как несколько других его яхт, и вовсе не такой красивой. Но она казалась ему весьма «крепкой» и уже доказала свою надежность в нескольких ледовых одиссеях. Работа над ней была еще не окончена. И все же Беннетт, полагавший, что может заметить все недостатки в ходе поверхностной инспекции, не сомневался, что его новое приобретение уже почти готово к путешествию на север. Можно только гадать, что он увидел в этой крепкой яхте, но одно ему было ясно: ее плавание станет сенсацией.

Было 4 июля 1878 года. «Пандора» стояла на пристани возле мола в Гавре, точно там же, где стоял шлюп «Шенандоа» в тот вечер, когда Джордж и Эмма Делонг поженились у него на борту. «Пандора» доживала свой последний день – после обеда ей должны были официально присвоить новое имя.

Беннетт решил назвать ее «Жаннеттой» в честь своей сестры. Он купил все места в следующем из Парижа поезде и привез на церемонию обычный набор великосветских скитальцев и спортсменов, а также несколько репортеров «Геральд» для освещения событий. Его сестра Жаннетта тоже приехала в Гавр, а сопровождал ее – насколько это позволяли викторианские протоколы ухаживаний – ее поклонник Айзек Белл, богатый нью-йоркский торговец хлопком и инвестиционный магнат.

Однако самым знаменитым гостем мероприятия стал Генри Стэнли, американец валлийского происхождения, который, будучи корреспондентом «Геральд», пробирался по африканским джунглям в поисках Давида Ливингстона и стал еще известнее после публикации книги «Как я нашел Ливингстона» об этих приключениях.

Все встретились за обедом в прибрежном отеле и казино «Фраскати». На этом роскошном курорте в северной части Нормандии не жились богатые парижане, стремившиеся сбежать от летней городской жары. На пляже бриз колыхал полосатые парусиновые навесы купальных кабин. Крепкие культуристы в пляжных трико окунались в холодные воды Атлантики, пока дети строили песчаные замки, а женщины в пышных шароварах дремали под зонтиками (купаться на публике в те годы для слабого пола считалось непристойным).

В приемном зале «Фраскати» Беннетт сидел за одним концом длинного банкетного стола, а Делонг – за другим. Издатель слушал один тост за другим и внимал всем поздравлениям, оценивающе взирая на публику. Алкоголь постепенно давал о себе знать: аккуратно подстриженные усы Беннетта подрагивали, а на губах играла озорная улыбка.

Но он ничего не делал и ничего не говорил. Казалось, он наблюдает за праздником издалека. Как ни странно, в больших компаниях Беннетт терялся и не любил оказываться в центре внимания, даже когда заслуживал этого по праву. Он напоминал безразличного часовщика, который предпочитает запускать механизм в действие, а затем сидеть в стороне и наблюдать за результатами своего труда.

Делонг и Стэнли сидели рядом и «за обедом ни на минуту не прерывали разговора», как вспоминала Эмма. Делонг весьма отличался от эпатажного, самовлюбленного и несколько безрассудного путешественника, однако у них со Стэнли все же было много общего и им было, о чем поговорить. Полюса земли и сердце Африки – так называемые полярные и тропические пояса – оставались великими географическими загадками, и смелые исследования обоих путешественников спонсировал один и тот же любопытный покровитель.

У Стэнли было то, чего отчаянно желал Делонг: он добился славы, которая приходит после значительного достижения, дополненного литературным успехом. Делонг очень хотел

написать книгу о своей арктической одиссее. Но Стэнли полушутя заявил, что экспедицию, в конце концов, опишет он. Именно новостей о таком приключении и жаждал снова Беннетт, стремясь повторить выход Стэнли на бис.

«Видите ли, Делонг, – сказал Стэнли, – я собираюсь написать второй том книги «Как я нашел Ливингстона». Он будет называться «Как я нашел Делонга»!»

После обеда все гости отправились в порт, где стояла «Пандора». Был теплый, подернутый дымкой день. На Сильвии была надета соломенная шляпка, на завязках которой от руки было написано «Жаннетта». Девочка бегала по пристани, ела абрикосы и невинно играла в тех же местах, где выросла ее мать. Пока гости собирались на берегу, Жаннетта Беннетт ненадолго отошла в сторону вместе с Айзеком Беллом. «Влюбленные, – заметила Эмма, – были очень увлечены друг другом», – и вернулась к началу церемонии.

Морским богам переименование «Пандоры» могло показаться неоднозначным. Ее мифологическое имя и так было достаточно тяжелым, а среди моряков к тому же господствовало суеверие, что менять название корабля ни при каких условиях нельзя. Одни утверждали, что это оскорбляет душу судна, а другие просто считали это ненужным испытанием судьбы.

Но Гордон Беннетт привык не считаться с обычаями. У него самого было достаточно морских суеверий, странных капризов и причуд, но этот к ним не относился: Беннетт хотел назвать корабль на собственное усмотрение.

Честно говоря, имя «Жаннетта» вряд ли подходило для арктического ледокола, но такова была мода того времени. Корабли (даже обреченные на суровую службу) называли в честь жен, матерей, племянниц и тетюшек – словно бы имя любимой женщины, какой бы легкомысленной, глупой или величественной она ни была, могло смягчить все будущие невзгоды.

Скорее всего, Беннетт выбрал имя Жаннетты, потому что его терзало чувство вины. Навсегда покинув Нью-Йорк и обосновавшись в Париже, он почти не виделся с сестрой. Он оплачивал ее счета, но этим и ограничивалось его исполнение последней отцовской просьбы присматривать за благополучием Жаннетты. Сама Жаннетта не очень любила корабли и никогда не просила брата назвать судно в ее честь. И все же она послушно приплыла на пароходе из Америки и на поезде приехала из Парижа, чтобы почтить церемонию своим присутствием.

Делонг помог Жаннетте подняться на нос корабля. Достали бутылку лучшего шампанского. Само собой, на это Беннетт не поспешил. Как только перерезали ленточку, Жаннетта, кокетливо улыбаясь, разбила бутылку о свежеекрашенный корпус.

«Пандора» стала «Жаннеттой». Особым указом конгресса, который сумели провести представители Беннетта в Вашингтоне, ее зачислили в американский реестр, чтобы впоследствии объявить судном ВМС. На ее мачте гордо развевался американский флаг.

Генри Стэнли сделал шаг вперед и предложил тост, а затем призвал Делонга сказать несколько слов. «Я бы предпочел промолчать, – признался Делонг. – У вас, мистер Стэнли, есть полное право говорить, ведь вы уже справились со своей задачей. Мне лишь предстоит исполнить мою». Как всегда, Делонг не хотел давать никаких обещаний «достичь чуда. Нам предстоит тяжелая, лишенная романтики работа. Возможно, мы вернемся через три года, а возможно, не вернемся никогда».

Беннетт, как обычно, наблюдал за церемонией со стороны. Он оставался «на заднем плане, – писала Эмма, – и его невозможно было заставить выйти вперед и принять участие в праздновании». Быть может, мыслями издатель уже был далеко – на следующий день он собирался отплыть в Нью-Йорк, чтобы в очередной раз без предупреждения нагрянуть с проверкой в офис «Геральд».

По окончании церемонии гости вернулись из порта в отель «Фраскати», где весь вечер поднимали тосты и потягивали бренди в голубоватых облаках сигарного дыма. После этого

Беннетт и все приглашенные вернулись к своим делам, оставив Делонга одного планировать и организовывать свое плавание. Жаннетта вместе с Айзеком Беллом поспешила обратно в Нью-Йорк. Через несколько месяцев они поженились и вскоре начали строительство одного из элегантных «коттеджей» в Ньюпорте. Стэнли снова отправился в Африку и продолжил свои путешествия, которые и прославили, и демонизировали его – его опасные приключения отчасти вдохновили Джозефа Конрада на создание романа «Сердце тьмы».

Корабли называли в честь жен, матерей, племянниц и тетушек – словно бы имя любимой женщины могло смягчить все будущие невзгоды.

Беннетт пожелал Делонгу счастливого пути и сказал, что встретится с ним на погрузке «Жаннетты» в Сан-Франциско. Когда Делонг сообщил, что Эмма отправится в Калифорнию вместе с ним и преодолеет на борту корабля все 18 000 миль от Гавра, Беннетт был весьма поражен. Делонгу показалось, что он несколько сожалеет о своей холостяцкой жизни. «Должно быть, ваша жена вас очень ценит, – сказал Беннетт. – Ради меня на такое не пошла бы ни одна женщина».

Беннетт снабдил Делонга тремя членами команды: если все пройдет хорошо, они готовы были и присоединиться к экспедиции на Северный полюс. Двое из них, Альфред Суитман и Джон Коул, много лет служили на яхтах Беннетта. Долговязый британец Суитман был плотником и механиком, весьма ответственным и пугающе точным. Он сказал Делонгу, что его возраст составляет «38 5/6 лет». Живой ирландец Коул был боцманом. Немногим выше полутора метров ростом, он с ловкостью обезьяны умел карабкаться по такелажу. Коул, которого все называли Джеком, ходил в море с тринадцати лет. «Коул станет одним из лучших ваших матросов, – сказал Беннетт Делонгу. – В минуту опасности такой человек на вес золота».

На должность штурмана Беннетт предложил странноватого, но прозорливого моряка по фамилии Даненхауэр. Мастеру Джону Уилсону Даненхауэру было 29 лет. Он родился в Чикаго, окончил Военно-морскую академию и имел прекрасные рекомендации от самого бывшего президента США Улисса Гранта, который познакомился с Даненхауэром во время недавнего плавания по Средиземному морю на судне «Вандалия». Даненхауэр был высоким, статным мужчиной приятной наружности, с изящными тонкими руками, аккуратно подстриженной бородой и копной стоявших торчком темных волос. Его лицо светилось интеллектом, а большие, лопатообразные уши и пронзительный взгляд темных глаз оставляли впечатление, что от этого человека ничего не ускользает. Даненхауэр давно лелеял надежду достичь полюса. Он сказал Делонгу, что «всем сердцем» хочет отправиться в Арктику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.